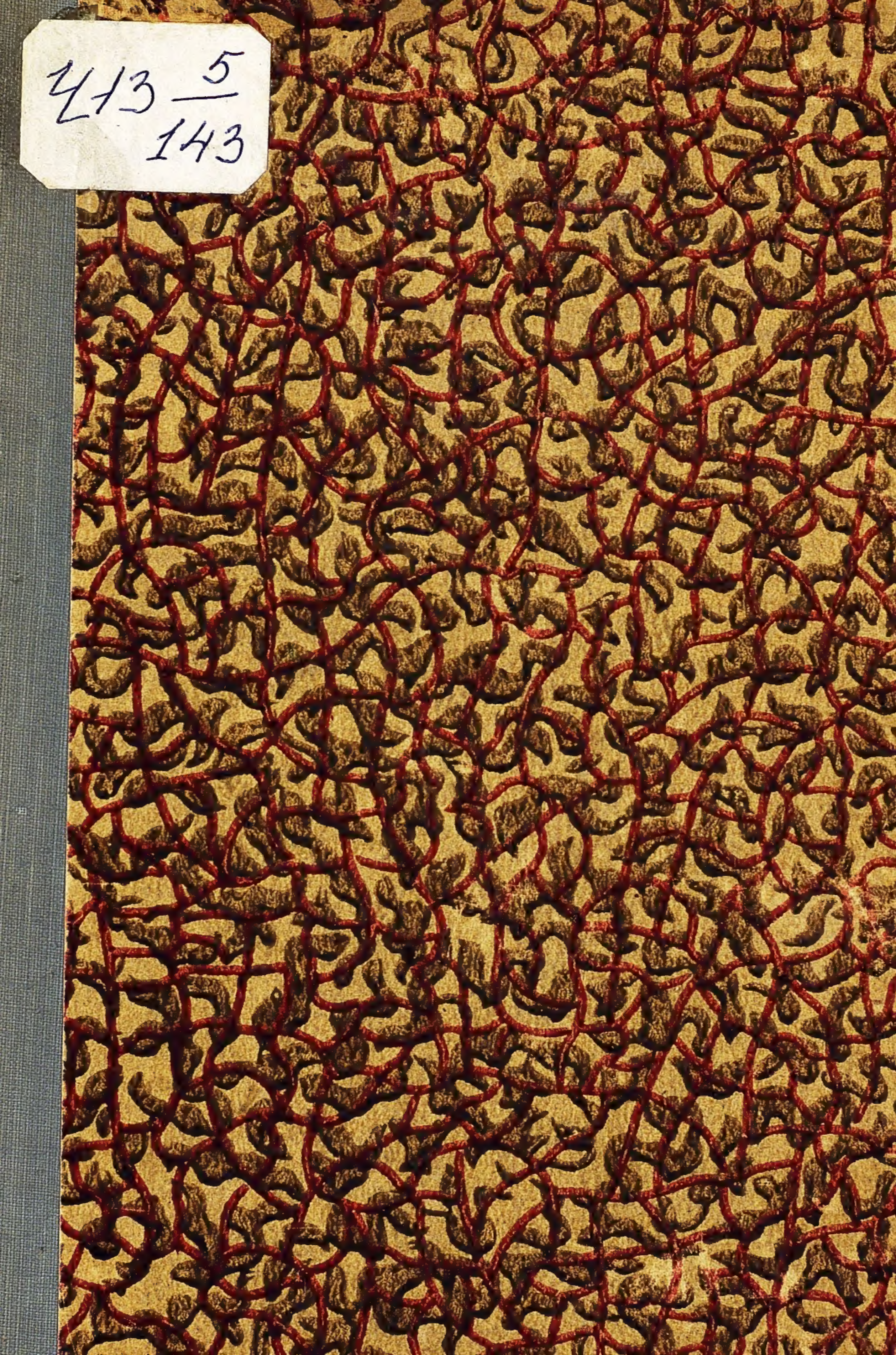
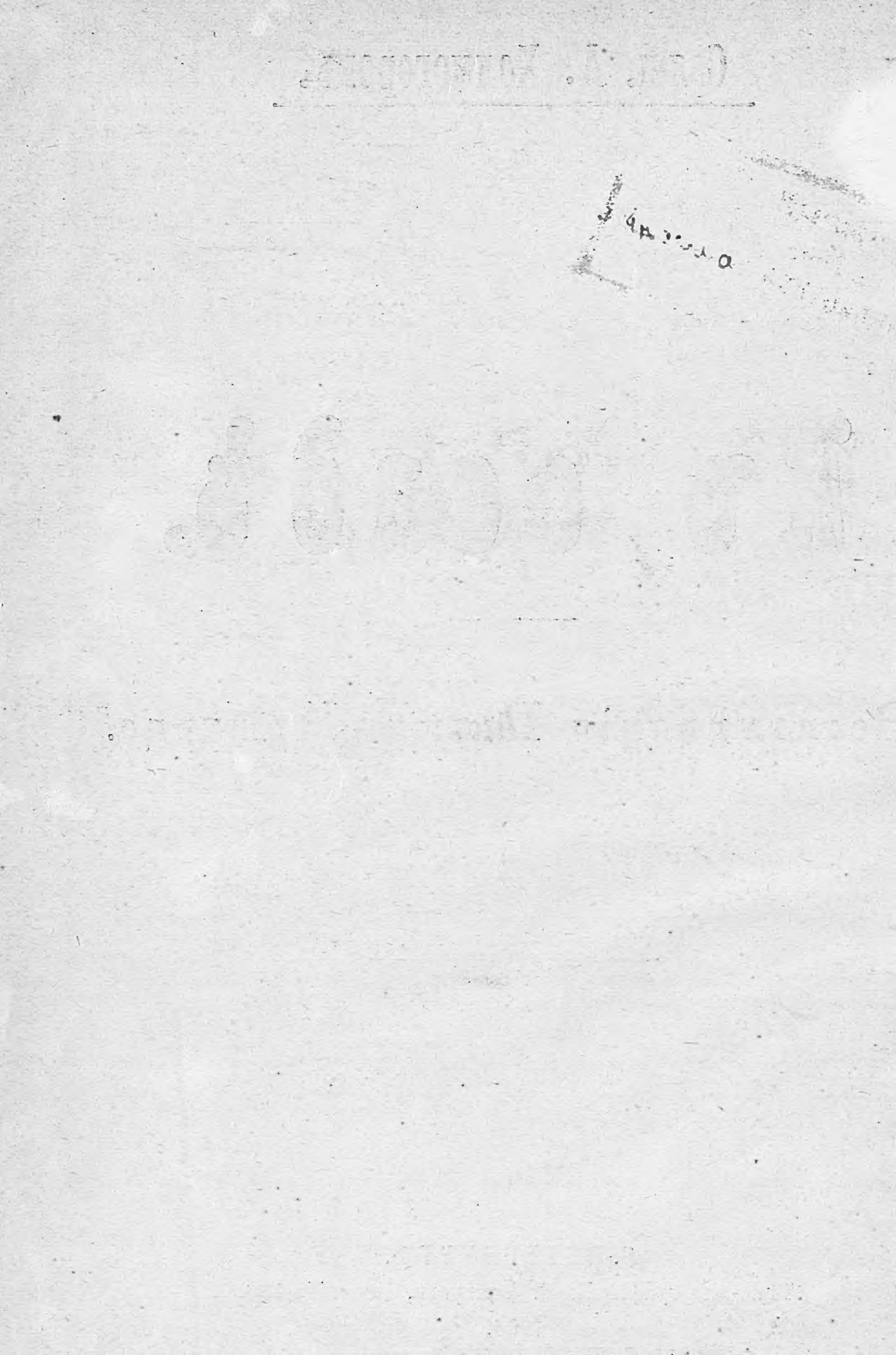

Ч13 5
143

Свящ. А. Холмогоровъ.

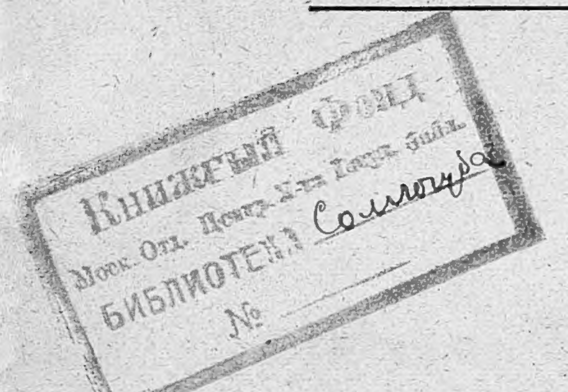
Въ осадѣ.

Воспоминанія Портъ-Артурца.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1905.

Свящ. А. Холмогоровъ.

ВЪ ОСАДѢ.

Воспоминанія Портъ-Артурца.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1905.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 10 сентября 1905 г.

ВЪ ОСАДѢ.

Воспоминанія Портъ-Артурца.

26—27 января 1904 года неожиданно грянулъ надъ Русскою землею громъ войны: въ ночь 26-го января японцы напали на нашъ тихоокеанскій флотъ, стоявшій па внѣшнемъ рейдѣ кр. Портъ-Артура, и повредили три судна; 27-го утромъ они бомбардировали Портъ-Артуръ. Громъ войны разбудилъ всю Русь. Она встряхнулась, поднялась. Неожиданный и тяжелый уронъ, причиненный японцами, возбудилъ патріотическія чувства и всѣ, кто чѣмъ могъ, ринулись на помощь родинѣ. Многіе, бросивъ свои дѣла, отправились на Дальній Востокъ защищать родину, или служить своими силами и знаніями защитницѣ ея—арміи. По примѣру другихъ рѣшился и я послужить родинѣ, чѣмъ умѣю, и встать въ число лицъ послѣдней категоріи. Я просился на должность священника въ одинъ изъ полковъ дѣйствующей арміи, втайнѣ мечтая попасть въ Портъ-Артуръ, приковывавшій къ себѣ взоры всего міра.

И Промыслу Божію угодно было сдѣлать меня очевидцемъ и участникомъ великой артурской обороны. Я былъ назначенъ въ 15-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, который сначала стоялъ въ гор. Таліенванѣ, а потомъ, пока я ѣхалъ, былъ переведенъ въ Портъ-Артуръ.

Прибылъ я въ Портъ-Артуръ 15 апрѣля 1904 года. 22 апрѣля японцы высадились въ Бицзыво, а 26-го окончательно отрѣзали Артуръ отъ сообщенія съ Россіею.

Ѳсада началась.

Проведя меня чрезъ всѣ ужасы этой осады, Господь сохранилъ меня невредимымъ и возвратилъ на родину. Здѣсь насъ, портъ-артурцевъ, встрѣтили необычайно радушно и сочувственно. Насъ считали мучениками, страстотерпцами. Нами интересовались и жаждали отъ насъ слышать правдивый разсказъ о на-

шемъ продолжительномъ сидѣніи, страданіяхъ и неожиданной сдачѣ. Интересъ къ портъ-артурцамъ проявлялся одинаково какъ изъ среды интеллигенціи, такъ и среди людей простыхъ, не книжныхъ. Со стороны послѣднихъ приходилось иногда замѣчать интересъ къ артурской эпопеѣ, болѣе искренній и сердечный; въ то же время среди нихъ приходилось встрѣчать и опровергать слухи и разсказы самые фантастическіе и неправдоподобные.

Желая удовлетворить естественному въ каждомъ гражданинѣ-патріотѣ желанію знать правду о Портъ-Артурѣ, я и рѣшился выступить со своими воспоминаніями о портъ-артурскомъ сидѣньи.—Назначаю ихъ преимущественно для простыхъ русскихъ людей.

При этомъ считаю долгомъ оговориться, что я не могу претендовать въ своихъ описаніяхъ на полноту и всесторонность. Кругъ моихъ наблюденій, какъ единичнаго лица, ограниченный; къ тому же, не будучи военнымъ, я не былъ во многое посвященъ и о многомъ не могу взять на себя смѣлость судить, какъ не спеціалистъ. Цѣль моей настоящей статьи—дать русскимъ людямъ понятіе о жизни крѣпости Портъ-Артура во время сухопутной осады ея японцами и о дѣятельности ея защитниковъ. Задача моя—правдиво изложить читателямъ то, что я знаю, видѣлъ и пережилъ въ теченіе этой восьми-мѣсячной осады.

Оборона Портъ-Артура.

I.

Артурскія укрѣпленія и средства защиты.

Сухопутная линія обороны крѣпости Портъ-Артура была длиной около 29 верстъ. Восточнымъ концомъ она упиралась въ бухту Тахе, а западнымъ — въ бухту Голубиную. Состояла линія изъ ряда фортовъ (5), временныхъ укрѣпленій, батарей подъ разными названіями и люнетовъ. Всѣ эти укрѣпленія, разбросанныя по линіи обороны, связывались между собою на правомъ флангѣ такъ называемой Китайской стѣнкой, а на лѣвомъ рядами окоповъ, тянувшихся вплоть до моря по горкамъ и по лощинамъ. Кромѣ того, впереди главной линіи обороны было выдвинуто еще нѣсколько редутовъ, каковы Водопроводный, Кумирненскій, Панлуншанскій, подъ №№ 1 и 2. Впереди каждаго укрѣпленія было также по нѣсколько рядовъ окоповъ.

Для лицъ, незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, постараюсь дать хоть маленькое понятіе о томъ, что нужно разумѣть подъ упомянутыми названіями форта, редута, люнета и др.

Фортъ—это укрѣпленіе, предназначенное для самостоятельной обороны, устрояемое наивозможно прочно и основательно. Фортъ устраивается обычно на гребнѣ холма или горы, формою многогранника въ 5—6 сторонъ, окружается большимъ и широкимъ рвомъ. На площади форта устраиваются бетонные валы съ мѣстами для пушекъ. Съ наружной стороны этихъ валовъ, пониже, устрояются позиціи для защиты форта пѣхотой отъ штурмующихъ колоннъ непріятеля. Пушекъ на форту бываетъ разное количество и разныхъ калибровъ. Орудія 4 ставятся на фортъ дальнобойныя, обычно 6-дюймовыя, для стрѣльбы по позиціямъ врага; кромѣ нихъ имѣются на форту нѣсколько пушекъ,—6—8, меньшаго калибра, — противоштурмовыя, для защиты форта отъ наступающаго непріятеля. Внутри форта устрояется нѣсколько подземныхъ помѣщеній, такъ называемыхъ казематовъ, изъ бетона, которые тянутся подлѣ стѣнъ форта, выходящихъ въ ровъ. Изъ казематовъ въ ровъ дѣлаются узкія окна для того, чтобы

солдатамъ, находящимся въ нихъ, возможно было обстрѣливать ровъ. Кромѣ того, для защиты рва устрояются въ немъ, чаще по угламъ такъ называемые капониры,—это защищенныя со всѣхъ сторонъ маленькія помѣщенія съ амбразурами для стрѣльбы, благодаря которымъ можно обстрѣливать стороны рва продольнымъ огнемъ. Капониры иногда устрояются и за фортомъ съ цѣлію обстрѣла подступовъ къ нему. Такой капониръ, открытый, былъ устроенъ съ правой стороны форта № 3. Всѣхъ фортовъ на линіи сухопутной обороны было пять; три изъ нихъ находились на восточномъ фронтѣ и два—на западномъ. Долженъ бы быть на западномъ фронтѣ еще одинъ, шестой, фортъ, но онъ не былъ сдѣланъ. Три форта имѣли кругомъ рвы, а два западные были безъ рвовъ.

Временныя укрѣпленія—это болѣе быстро, чѣмъ форты, возводимыя защиты крѣпости, устрояемыя на возвышеніяхъ. Типъ укрѣпленія такой же, какъ и у форта, но оно не всегда дѣлается изъ бетона, чаще оно бываетъ просто насыпное—земляное. Въ Портъ-Артурѣ укрѣпленіе № 3 было устроено совершенно какъ фортъ: такой же бетонъ, казематы, такой же ровъ кругомъ, такое же и вооруженіе.

Батареи изъ пушекъ крупнаго калибра устроены были въ Артурѣ, кромѣ фортовъ и укрѣпленій, еще въ другихъ мѣстахъ по вершинамъ холмовъ, окружавшихъ крѣпость. На такихъ мѣстахъ были устроены для установки пушекъ защиты ихъ и людей отъ огня особыя приспособленія, — земляные или каменные валы, прикрытія и блиндажи. Такія батареи носили разныя названія, или по буквамъ, напр., батареи литера А, литера Б, или по имени горъ, на которыхъ они были расположены, таковы—батареи Курганная, Зубчатая, Перепелочная и др. Кромѣ того были у насъ батареи и съ случайными названіями—Заредутная, Волчье-Мортирная.

Редуты — это временныя земляныя укрѣпленія, защищенныя со всѣхъ сторонъ землянымъ валомъ въ формѣ пятиугольника. Въ нихъ имѣются и пушки и окопы для стрѣльбы изъ ружей. Для защиты людей устроены блиндажи. Редутъ соединяется съ главною цѣпью обороны лишь ходомъ, болѣе или менѣе защищеннымъ. Редутъ, непосредственно примкнутый къ линіи обороны и потому имѣющій лишь двѣ или три наружныя стороны обороны, называется люнетомъ. Таковъ на правомъ флангѣ Артура былъ люнетъ Куропаткинскій.

Окопъ (траншея) для пѣхоты устраивается такъ: вырывается въ землѣ въ ростъ человѣка или глубже ходъ, шириною 1—1½ аршина или болѣе, который тянется параллельно позиціямъ врага. На сторонѣ, обращенной къ непріятелю, изъ вынимаемой земли образуется валикъ; въ немъ дѣлаются амбразурки для вставки ружей. Изъ-за этого валика солдаты стрѣляютъ, осторожно выставляя свои головы. Иногда для защиты стрѣлковъ отъ шрапнельныхъ пуль и осколковъ сверху окопа устрояется досчатый навѣсъ съ землею на немъ. По линіи обороны Артура

окоповъ было надѣлано множество. Они спускались отъ главной линіи къ непріятелю иногда въ 2—3 ряда и опоясывали собою всѣ укрѣпленія Артура.—На правомъ флангѣ главную линію обороны составляла такъ называемая Китайская стѣнка. Это былъ валъ, устроенный еще китайцами для защиты крѣпости. Шириной въ основаніи онъ былъ $2^1/_2$—3 сажени, вышиной около 2 саженъ. Влверху этого вала были устроены амбразуры для ружейной стрѣльбы.

На всѣхъ позиціяхъ для защиты людей отъ непріятельскаго огня были устроены блиндажи. Блиндажъ — это вкопанное въ землю помѣщеніе въ родѣ землянки. Онъ устрояется на прочныхъ деревянныхъ стойкахъ, поверхъ которыхъ на шпалы кладется въ видѣ потолка рядъ или два деревянныхъ брусьевъ, а сверху все засыпается землей аршина на 2. Ширина блиндажа—около сажени; вышина различна—около роста человѣка, аршина $2^1/_2$—3. По длинѣ блиндажи тоже различны — аршинъ отъ 10 и далѣе. Для спанья солдатъ въ нѣкоторыхъ блиндажахъ устраивались нары, въ другихъ стлались на полъ циновки. Иногда блиндажи отапливались переносными печами. Въ такихъ помѣщеніяхъ солдаты защищены отъ пуль, шрапнели и осколковъ. Малаго калибра снаряды также безсильны противъ блиндажей, но снаряды калибра въ 6 дюймовъ и болѣе блиндажи иногда пробиваютъ. Для защиты отъ осколковъ и бокового огня на позиціяхъ устраиваются еще траверзы. Это каменныя или земляныя стѣны, поставленныя перпендикулярно къ линіи обороны. Траверзы дѣлаются одинъ отъ другого сажени на 2—3 и рѣже. Вся линія обороны снаружи опоясывается сѣткой. Это проволочная сѣть, по возможности запутанная, шириной аршина 2—3; она устраивается на часто вбитыхъ въ землю колышкахъ различной вышины. Она задерживаетъ движеніе колоннъ непріятеля, идущихъ на штурмъ, и помогаетъ уничтожать огнемъ замѣшкавшіяся непріятельскія колонны.

Всѣ позиціи между собою соединяются по возможности удобными дорогами для подвоза снарядовъ, патроновъ и пищи, и для удобства передвиженія войскъ.

Нужно замѣтить, что перечисленныя средства защиты Портъ-Артура не были созданы одновременно. Они приготовлялись постепенно. Собственно къ началу военныхъ дѣйствій было готово лишь нѣсколько фортовъ. Энергичная работа по устройству укрѣпленій Артура началась уже послѣ того, какъ онъ былъ отрѣзанъ отъ Россіи—26 апрѣля 1904 года, и когда стала очевидною возможность осады. Тогда было создано большинство батарей, укрѣпленія, редуты и пр.

По линіи сухопутной обороны всего было до 600 орудій всевозможныхъ калибровъ. Были тутъ 9-дюймовыя мортиры, 6-дюймовыя мортирныя полевыя батареи, 6-ти дюймовыя пушки, осадныя и морскія, взятыя съ судовъ, 125-миллиметровыя конне, скорострѣльныя полевыя батареи. Были пушки китайскія, оставшіяся отъ китайской старины. Были поставлены на позиціи даже

маленькія, въ аршинъ, пушечки, заряжавшіяся съ дула, для которыхъ готовились спеціальные снаряды изъ жестянокъ отъ консервовъ, начиненные картечью.

Сильно помогали въ оборонѣ сухопутнаго фронта орудія береговой обороны, батареи—Золотой горы—11-дюймовыя мортиры, Электрическаго утеса—10-дюймовыя орудія. Тигроваго хвоста, Крестовой, Плоской горъ—10 и 6-ти дюймовыя орудія. Оказывали существенную поддержку сухопутному фронту и судовыя орудія броненосцевъ и крейсеровъ, стоявшихъ на рейдѣ, посылая свои страшные 12-ти и 10-ти дюймовые снаряды на японскія позиціи, пока суда не были затоплены.

Къ числу средствъ защиты нужно еще отнесть массу фугасовъ и минъ, секретно закладываемыхъ впереди позицій. Частію это были самовзрывчатые, отъ давленія тяжести взрывавшіеся и метавшіе кучи камней, частію взрывавшіеся посредствомъ электрическихъ проводовъ. Они много причинили вреда японцамъ. Даже минные аппараты съ судовъ были приспособлены для сухопутной обороны.

Весьма важнымъ средствомъ защиты Артура, много помогавшимъ оборонѣ, оказались еще ручныя бомбочки и шашки съ пироксилиномъ. Японцы первые показали намъ примѣръ употребленія этихъ орудій. Подражая имъ научились такія же вещи дѣлать и мы. Бомбочки были разныхъ системъ и размѣровъ. Отъ маленькихъ ручныхъ они доходили до большихъ, круглыхъ 18 пудовыхъ шаровъ. Бомбочки ужасно много помогали защитникамъ Артура въ отраженіи отчаянныхъ японскихъ штурмовъ. Очень часто эти штурмы отбивались исключительно благодаря ручнымъ бомбочкамъ. Такъ, напр., отбитіе штурмовъ Высокой горы въ сентябрѣ мѣсяцѣ почти единственно было произведено круглыми шарообразными бомбами, скатываемыми съ вершины горы къ скрывавшемуся подъ откосомъ ея непріятелю. Ужасные разрывы этихъ пироксилиновыхъ чудовищъ произвели такое опустошеніе и панику среди японцевъ, что они не выдержали и — побѣжали.

II.

Жизнь на позиціяхъ.

Фронтъ сухопутной обороны находился подъ начальствомъ генералъ-майора Кондратенки. Для удобства управленія онъ былъ раздѣленъ на отдѣлы. Правая половина фронта по Курганную батарею находилась въ вѣдѣніи генералъ-майора Горбатовскаго, лѣвая—съ батареи Кладбищенской горы по Ляотешанъ находилась подъ начальствомъ полковника Семенова. Кромѣ того, на правой половинѣ фронта было два боевыхъ участка и на лѣвой три. Каждая батарея, фортъ или горка имѣли своего коменданта. Для сношеній начальствующихъ лицъ между собою была устроена сѣть телефоновъ, обнимавшая всю позицію и соединенная съ городомъ.

Я не могу назвать точно цифру артурскаго гарнизона. Знаю, что онъ онъ, съ моряками, былъ болѣе 40000. Сначала, до тѣсной осады двѣ стрѣлковыя дивизіи, бывшія въ Артурѣ, четвертая и седьмая, дѣйствовали самостоятельно. Такъ, 3-го и 13 мая въ сраженіяхъ впереди и при Кинчжоу дѣйствовала четвертая дивизія.—13—15 іюля (бой на Зеленыхъ горахъ) седьмая дивизія дѣйствовала на правомъ флангѣ, а четвертая—на лѣвомъ. Но послѣ того, какъ войска были расположены на боевыя позиціи Портъ-Артура, полки дивизій были перемѣшаны между собою. Отъ этого получилось, что начальникъ 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-лейтенантъ Фокъ фактически лишился всей своей дивизіи: она перешла въ распоряженіе начальника 7-й В.-Сиб. стр. дивизіи ген.-майора Кондратенки, командовавшаго надъ всѣми войсками, расположенными на позиціяхъ сухопутнаго фронта. Командиръ 15 Вост.-Сиб. стр. полка также со времени тѣсной осады крѣпости лишился почти всего своего полка, размѣщеннаго по-ротно по всему фронту обороны—отъ форта № 1 на правомъ флангѣ до Ляотешана на лѣвомъ. Причиной такой перетасовки дивизій были какъ говорятъ, слабыя боевыя качества 7-й дивизіи, незадолго предъ войной сформированной изъ разныхъ ротъ, пришедшихъ изъ Россіи и не бывавшихъ въ бою. Ея части, дѣйствительно, оказывали болѣе слабое сопротивленье непріятелю, чѣмъ части 4-й дивизіи, и охотнѣе отступали. 4-я дивизія участвовала въ Китайской войнѣ, имѣла боевыя традиціи, и это всегда рѣзко сказывалось въ трудные боевые моменты. Она и была размѣщена для уравновѣшенія силы сопротивленія по всему фронту между частями 7-й дивизіи и поболѣе серіознымъ пунктамъ.—Весь гарнизонъ Артура во время тѣсной осады дѣлился на двѣ части. Наибольшая была на позиціяхъ, наименьшая находилась въ резервѣ и жила въ городѣ. Находившійся на линіи обороны гарнизонъ

также былъ распредѣленъ на очереди, которыя попеременно дежурили на позиціяхъ. Отдежурившая очередь отходила съ передовой линіи за полверсты или за версту въ укрытое мѣсто и составляла частный резервъ того или другого участка обороны.

Однообразно и тяжело тянулась жизнь солдатъ на позиціяхъ. День и ночь они должны были проводить, несмотря на погоду, или въ траншеѣ или въ сыромъ блиндажѣ. Каждый день, каждую ночь, даже каждый часъ они должны были ожидать сюрпризовъ отъ недремлющаго врага въ видѣ разнаго рода снарядовъ и пуль. Всегда они должны были быть готовы къ отраженію неожиданнаго нападенія. Отъ этого состояніе обороняющаго гарнизона, отбывавшаго очередь на передовыхъ позиціяхъ, было всегда тревожное и страшно нервное. Спать ложились на позиціяхъ обычно часа въ 4—5 утра, когда ночь оканчивалась благополучно и не было признаковъ наступленія. Спали часовъ до 10. Вставши, пили чай; въ 11—12 часовъ получали привозимый въ походныхъ кухняхъ изъ резерва обѣдъ. Послѣ обѣда кто вновь ложился спать, кто читалъ взятыя откуда нибудь книги, кто игралъ въ карты, кто чистилъ боевыя принадлежности своего вооруженія или орудій. Особенно любили стрѣлки читать мѣстную газету „Новый Край“. Для отрѣзанныхъ отъ всего міра, отъ родины и родныхъ солдатъ газета служила средствомъ общенія съ міромъ, такъ какъ въ ней помѣщались всѣ свѣдѣнія, изрѣдка доходившія въ Артуръ „съ того свѣта“. Она помогала солдатамъ оріентироваться въ собственномъ положеніи, такъ какъ изъ газеты они узнавали, что дѣлаютъ въ другихъ мѣстахъ обороны, гдѣ успѣли японцы, гдѣ они были геройски отбиты. Она вливала въ солдатъ духъ надежды и бодрости—своими статьями и сообщеніями, быть можетъ иногда и болѣе радужными, чѣмъ было на дѣлѣ, и тѣмъ поддерживала его въ скучной, томительной осадѣ.—Часа въ 4 вечера стрѣлки пили чай, въ 7 ужинали и распредѣлялись по позиціямъ. Ночь проходила большею частію безъ сна,—въ караулахъ, дежурствахъ, въ постоянныхъ опасеніяхъ подвоховъ со стороны коварнаго японца.

Наравнѣ съ солдатами томились тяготой передовыхъ позицій и офицеры. И они должны были не спать ночи въ дежурствѣ, жить въ темныхъ и сырыхъ блиндажахъ, быть всегда, что называется, начеку. Но офицеры скорѣе солдатъ находили возможность чѣмъ либо себя утѣшить или развлечь. Они легко могли добывать себѣ книги для чтенія, находили развлеченье во взаимномъ общеніи и спорахъ. Затѣмъ, офицеры получали легче солдатъ отпуски на 2 — 3 дня въ городъ для отдыха и омовенія. Здѣсь въ полковыхъ квартирахъ они по-настоящему, „по-людски“ отсыпались на кроватяхъ въ сухомъ и тепломъ помѣщеніи, омывали грѣшныя тѣла въ банѣ и оказывались хотя въ относительной безопасности отъ непріятельскихъ угощеній. Тутъ, конечно, у иныхъ не обходилось безъ основательнаго кутежа съ его аксесуарами.

Солдатъ поспокойнѣе начиналъ себя чувствовать лишь послѣ смѣны съ передовой позиціи въ резервъ. Отсюда его пускали въ городъ въ церковь и въ баню, что составляло величайшее наслажденіе для солдатъ. Но въ общемъ и тутъ покой его былъ болѣе призрачный. Резервныя части, отдыхая въ сравнительной безопасности днемъ, по ночамъ постоянно посылались на земляныя работы по исправленію разрушенныхъ позицій, прорытію окоповъ, ходовъ сообщенія, постройкѣ блиндажей и т. п. Такихъ работъ всегда было безконечное множество, и какъ они мучили бѣдныхъ солдатъ, сколько силъ они унесли у нихъ—одинъ Богъ вѣсть!

Большимъ утѣшеніемъ для солдатъ въ ихъ монотонной жизни на позиціяхъ служили посѣщенія священника. Еженедѣльно на позиціи появлялись полковые священники и служили молебны для воиновъ, потомъ со св. крестомъ и св. водою обходили позиціи и всѣхъ защитниковъ принимали ко кресту. Такіе молебны для солдатъ приходилось совершать гдѣ нибудь на площадкѣ, укрытой отъ наблюденій непріятеля, въ оврагѣ, или въ блиндажѣ по просторнѣе. Въ одномъ концѣ блиндажа ставилась икона и столикъ для священника, а солдаты помѣщались по всему блиндажу, стояли и внѣ его. Приходилось служить и въ окопѣ. Для этой цѣли выбиралось мѣсто, гдѣ сходились подъ угломъ два окопа или хода; въ уголокъ приставлялся маленькій столикъ, на которомъ священникъ располагалъ св. Евангеліе и крестъ и начиналъ службу. Солдаты стояли по окопамъ въ ту и другую стороны. Затѣмъ, съ трудомъ расходясь въ узкомъ окопѣ, они подходили къ св. кресту. Порой такія службы совершались за 20—30 шаговъ отъ непріятеля, который слышалъ церковное пѣніе и иногда салютовалъ ему изъ своихъ пулеметовъ. Очень часто службы совершались подъ аккомпанементъ разрывавшихся непріятельскихъ снарядовъ. Солдатики весьма любили подобныя посѣщенія батюшекъ и всегда охотно молились. Иногда они и сами просили отслужить молебенъ на позиціи или панихину по убитымъ товарищамъ.

Для иллюстраціи жизни солдатъ на позиціи разскажу нѣсколько подробностей. Въ концѣ ноября я былъ на позиціи, въ участкѣ, простиравшемся отъ форта № 2 по Курганную батарею. Прійдя съ вечера час. въ 7, я часовъ въ 8 сходилъ съ начальникомъ участка на фортъ № 3. Здѣсь въ казематахъ форта я отслужилъ заключеннымъ подъ темными ихъ сводами воинамъ молебенъ, подбодрилъ ихъ словомъ и, между прочимъ, осмотрѣлъ фортъ. Верхняя наружная часть форта была прямо неописуема,—это были груды осколковъ бетона, камней, досокъ, снарядовъ, обломки пушечныхъ лафетовъ, глубокія ямы отъ снарядовъ. Внутри казематовъ, въ такъ называемой потернѣ (подземный ходъ къ наружной сторонѣ рва) была отчетливо слышна подземная работа японцевъ—удары кирки, перекатываніе камней, говоръ работающихъ.

— Что же это они дѣлаютъ?—спросилъ я сопровождавшаго меня офицера.

— Роются подъ фортъ, чтобы заложить мину и взорвать его,—отвѣтилъ онъ.

— Но что же вы предпринимаете противъ этого рытья?

— Ничего; ждемъ. Когда оно прекратится—значитъ мина будетъ заложена, и намъ наступитъ время летѣть на воздухъ

— Непріятная перспектива! И вы спокойно ее ежидаете?

— Да... Что же дѣлать?! Нашъ долгъ...

Возвратившись съ форта, я на ночлегъ расположился въ блиндажѣ начальника участка. Кромѣ его и меня тамъ было еще нѣсколько человѣкъ штабъ-офицеровъ изъ начальственныхъ въ участкѣ лицъ. Спать пришлось на нарахъ, устроенныхъ во всю ширину дальней половины блиндажа. На нихъ всѣ мы и расположились рядкомъ, предварительно поужинавъ конинкою и напившись чаю. Только наговорившись, мы стали засыпать, какъ вдругъ вбѣгаетъ адъютантъ изъ телефоннаго отдѣленія и будитъ начальника участка сообщеніемъ, что гдѣ-то подъ Китайской стѣнкой показались японцы. Начальникъ, спавшій одѣтымъ, быстро вскочилъ, надѣлъ шашку и скрылся. Начали подниматься и другіе подполковники. Одинъ, почтеннаго возраста, всталъ, одѣлся и, помолившись на образъ съ теплившеюся лампадою (его собственность), вышелъ. Другой подполковникъ, немного уступавшій первому въ почтенности возраста, вскочилъ и, натягивая сапоги, запѣлъ на игривый мотивъ: „А за тѣмъ-тѣмъ-тѣмъ... Вслѣдъ за всѣми вышелъ и я. Въ сѣверо-восточномъ углу позиціи была дѣйствительно сильная ружейная трескотня. Пули тонко пѣли и свистѣли по всѣмъ направленіямъ. Начали погромыхивать и орудія. То тамъ, то здѣсь откроется свѣтлый, огненный глазъ, освѣтитъ кругомъ и моментально скроется; затѣмъ кто-то ахнетъ могучей грудью, и слышенъ бѣшеный летъ удаляющагося гостинца. Не замедлили отвѣтомъ и японскія орудія. Стали то тамъ, то здѣсь надъ позиціями потрескивать шрапнели, красивымъ огонькомъ блистая на фонѣ темнаго неба. Завелъ свою машину „старый наводчикъ“. Такъ назвали мы невѣдомаго японца, управлявшаго пушкой, которая цѣлые мѣсяцы неизмѣнно посылала свои снаряды въ одно и то же мѣсто на склонѣ противоположнаго холма, отдѣленнаго отъ Скалистаго кряжа (гдѣ мы находились) оврагомъ, гдѣ ничего не было. Начальникъ распоряжался, получалъ по телефону донесенія, отсылалъ приказанія. Были подняты на ноги резервы; пришла рота моряковъ. Но минутъ черезъ 20 огонь самъ собой сталъ стихать. Получились донесенія, что японцевъ больше нигдѣ не видно. Пождавъ еще немного и подрогнувъ на холодѣ, мы возвратились въ свою комнату и разлеглись продолжать сонъ. Но въ эту ночь такъ и не удалось намъ соснуть хорошенько. Часа черезъ 2 опять насъ разбудили, заставили поволноваться и прогуляться на воздухъ, но также безрезультатно. Чрезъ полчаса опять все улеглось. На утро оказалось, что тревоги ночью были

почти ложныя. Часовые видѣли (а, можетъ-быть, и померещилось?) одного-двухъ японцевъ, яко бы подкрадывавшихся къ нимъ, и поднимали тревогу. Начиналась стрѣльба. Японцы отвѣчали и перестрѣлка усиливалась, распространялась. И вотъ готова ночная атака... Иногда къ такимъ тревогамъ японцы даютъ достаточные поводы. На Водопроводномъ редутѣ былъ такой случай, разсказанный мнѣ командиромъ роты 15 В.-С. стр. полка. Въ темную глухую ночь стоявшій на редутѣ часовой вдругъ замѣтилъ человѣческую фигуру, вышедшую изъ японской позиціи, шаговъ за 150 отъ нашей. Человѣкъ, стоя во весь ростъ, медленно приближался къ нашему редуту. Пождавъ немного, часовой выстрѣлилъ въ него, но неудачно,—человѣкъ продолжалъ двигаться. На выстрѣлъ обратили вниманіе другіе часовые, замѣтили подходящаго и тоже начали въ него стрѣлять, но безуспѣшно. Поднялся еще кое-кто изъ стрѣлковъ, также взялись за ружья и стали посылать пули въ подходящую человѣческую фигуру, но все безрезультатно. Фигура, нисколько не скрываясь, медленнымъ шагомъ подходила все ближе и ближе. Проснулся фельдфебель; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ прежде всего пофельдфебельски ругнулъ стрѣлковъ за неудачную стрѣльбу и приказалъ дать залпъ по безстрашному японцу. Но и залпъ, и другой, и третій не имѣли никакого вліянія на подходящаго. Онъ шелъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало! Стрѣлки пришли въ недоумѣніе. Что это такое приближается? Почему пули его не берутъ? Ужъ не оборотень ли это какой? пришло на умъ солдатамъ. И вотъ наиболѣе трусливые побросали ружья и попрятались подальше въ окопы. Другіе помышляли дать тягу съ позиціи. Но нѣкоторые все же еще продолжали стрѣлять по подходящему, хотя и безъ надежды причинить ему вредъ. Вдругъ, не дойдя шаговъ 15 до позиціи, фигура пала. Стрѣлки еще постреляли по упавшему, изъ боязни, какъ бы онъ не всталъ, и оставили его лежать до утра. Ночью никто не осмѣлился подойти къ нему. Только раннимъ утромъ кое-кто изъ стрѣлковъ рѣшились подползти къ лежащей фигурѣ, и тогда увидали, что это былъ японецъ, шедшій къ намъ закрывшись металлическимъ щитомъ. Щитъ былъ вырѣзанъ изъ толстаго (въ палецъ) желѣза на подобіе человѣческой фигуры и былъ ремнями прикрѣпленъ къ плечамъ японца; для глазъ въ головѣ щита были вырѣзаны отверстія. Прикрываясь этимъ щитомъ, японецъ шелъ къ нашимъ позиціямъ и несъ два ящика пироксилина. Пули стрѣлявшихъ въ него, ударяясь о щитъ, только отскакивали, почему японецъ едва и не достигъ цѣли. Убитъ же онъ былъ выстрѣломъ сбоку, когда подошелъ близко къ позиціи и обнаружилъ свои незакрытыя щитомъ стороны. Вѣроятно, японцы предполагали взрывомъ пироксилина произвесть замѣшательство въ нашемъ редутѣ и воспользоваться имъ для захвата редута.

Иногда, пользуясь покровомъ ночи, и русскіе пытались дѣлать нападенія на японцевъ. Они не разъ устраивали вылазки съ

цѣлію прогнать подальше японцевъ отъ укрѣпленій, или возвратить отнятую ими позицію, или уничтожить японскій окопъ. Я помню одну вылазку на редутъ № 2, занятый японцами, съ цѣлью его возвращенія. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Были посланы два батальона стрѣлковъ, притомъ такъ, что одинъ долженъ былъ напасть на редутъ прямо, а другой, обойдя его, кинуться съ тыла. Но темнота ночи сдѣлала то, что вышла какая то путаница, причемъ части наши стрѣляли другъ въ друга, а редутъ такъ и остался въ рукахъ японцевъ. Была еще и такая вылазка. Къ офицеру являются два стрѣлка, одинъ унтеръ-офицеръ, другой рядовой.

— Что надо?—спрашиваетъ начальство.

— Такъ что, ваше благородіе, дозвольте вылазку сдѣлать. Японецъ близко копается,—заявляетъ унтеръ.

— А сколько людей надо?—интересуется офицеръ.

— Мы двое идемъ, ваше благородіе, я да вотъ землячокъ.

— Какъ двое? Да что вы сдѣлаете?—удивляется тотъ.

— Такъ что все можно сдѣлать, в. б. Я разсыплюсь, а онъ въ лезервѣ, и японца выгонимъ изъ окопа.

— Ха-ха-ха!—смѣется офицеръ;—ну ступайте, только смотри, осторожнѣе, не лѣзьте на смерть.

— Слушаю, в. б., покорно благодаримъ.

И два смѣльчака отправляются на вылазку. Унтеръ „разсыпался", т. е. поползъ впередъ, составляя „цѣпь", а стрѣлокъ ползъ сзади шаговъ на 15—20, составляя резервъ. Унтеру посчастливило; онъ незамѣтно проползъ во флангъ новостроющагося японскаго окопа. Спрятавшись за камень, онъ по работавшимъ въ окопѣ японцамъ „открылъ огонь". Не ожидавшіе такого сюрприза японцы переполошились, бросили свои лопаты и давай утекать. Но вскорѣ они сообразили по выстрѣламъ, что сила противъ нихъ имѣется небольшая и стали отстрѣливаться. Храбраго унтера они вскорѣ засыпали пулями, а сами укрылись кто-куда. Видя, что больше толку отъ стрѣльбы нѣтъ, а „лезерва" его что-то не обнаруживаетъ себя, унтеръ сталъ отступать и благополучно проползъ къ своимъ. „Лезерва" его оказалась уже давно тамъ. Ругнувъ надлежащимъ образомъ струсившую „лезерву", унтеръ отправился съ докладомъ о своей вылазкѣ къ офицеру.

— Ну, что, выгналъ японцевъ?—спрашиваетъ офицеръ.

— Никакъ нѣтъ, в. б., не удалось.

— А почему же?

— Такъ что лезерва опоздала, а одного японецъ одолѣлъ, много его было.

— То-то и есть! Ну, хорошо, что живъ вернулся... Напугалъ все-таки японцевъ?

— Такъ точно...

— Ступай! спасибо за работу.

— Радъ стараться, в. благородіе...

Дневные караулы и дежурства на передовыхъ позиціяхъ разнообразились разными способами, въ которыхъ иногда принимали участіе и японцы. Иногда японцы на довольно порядоч-

номъ разстояніи выставляли чучелу, одѣтую въ японскій мундиръ, съ винтовкой. Чучела поворачивались въ разныя стороны, какъ часовой, осматривающій мѣстность. Стрѣлки, не разобравъ дѣла, начинаютъ стрѣлять по чучелу, а та лишь повертывается. И такъ продолжается пока, не разберутъ, что японцы ихъ надуваютъ. Порой поддастся мистификаціи и офицеръ, самъ начнетъ горячиться и палить по выставленному чучелу. Устраивали еще стрѣлки призовую стрѣльбу „по движущейся цѣли". Вдали, шаговъ на 1500—1800, японцы между своими окопами иногда оставляли проходъ, сажени 1—2 шириной, ничѣмъ не прикрытый, и днемъ перебѣгали его на виду. Видя частыя перебѣганья японцевъ, лучшіе стрѣлки наши устраивали охоту за ними, — старались подстрѣлить перебѣгающихъ. За удачный выстрѣлъ иногда обѣщалась какая нибудь награда отъ офицера. И вотъ начиналась пальба. Японцы какъ ни въ чемъ не бывало бѣгаютъ взадъ и впередъ и на стрѣльбу нашихъ солдатъ не обращаютъ никакого вниманія. Но вотъ послѣ одного выстрѣла бѣжавшій японецъ какъ то странно прискакиваетъ, разбрасываетъ руки и падаетъ. Видно, какъ товарищи осторожно утаскиваютъ его внутрь окопа. А наши стрѣлки усиленно стрѣляютъ по тому мѣсту, въ надеждѣ еще кого либо задѣть пулями. Счастливчикъ получаетъ за японца цѣлковой.

Въ послѣдніе мѣсяцы осады японцы подрылись къ нашимъ позиціямъ настолько близко, что мѣстами ихъ отдѣляло отъ русскихъ разстояніе всего какихъ нибудь 40, 30, а то и 20 шаговъ. На такомъ разстояніи можно было отлично переговариваться, и враги часто пользовались временами военнаго затишья, чтобы перекинуться другъ съ другомъ словами. Нужно замѣтить, что среди японцевъ многіе умѣли говорить по-русски и пользовались этимъ. Бывали такія бесѣды между врагами.

— Эй, япошки!—зычно кричитъ какой нибудь „ундеръ",—что вы, такіе-сякіе, не отвяжетесь отъ насъ? Вѣдь ужъ довольно вашего брата поклали!

— А что вашъ Куропаткинъ нейдетъ выручать васъ!—пищитъ въ отвѣтъ какой нибудь „япошка".

— И безъ него обойдемся! А вамъ его надо?

— Да пусть приходитъ... Насъ тогда уведутъ отъ этого Артура... Здѣсь ужъ очень намъ надоѣло сидѣть...

— Такъ убирайтесь, чортъ васъ возьми!...

— Нельзя... не велятъ,—отвѣчаютъ японцы.

Порой японцы иронизировали надъ нами такъ.

— Эй, русска!—кричитъ японецъ,—что шибко стрѣляешь изъ пушекъ? Смотри, далеко не стрѣляй,—въ Куропаткина попадешь!..

Одинъ сообразительный ротный командиръ устроилъ такую вещь. Явившись съ ротою на позицію, онъ немедленно крикнулъ японцамъ въ окопъ, чтобы они вызвали офицера. Когда тотъ явился, командиръ заявилъ ему:

— Сегодня здѣсь на дежурствѣ 6 рота; мы стрѣлять въ васъ не будемъ весь день, только не стрѣляйте и вы.

Японскій офицеръ выражаетъ свое согласіе, и вотъ на этомъ пунктѣ день проходитъ спокойно. Стоящіе часовые мирно посматриваютъ другъ на друга.

Разъ русскіе устроили съ японцами игру — стрѣльбу по являющейся цѣли. Въ русскомъ окопѣ по адресу смежнаго японскаго вдругъ раздается возгласъ:

— Эй, япошки!

Тамъ слышится отвѣтъ:

— Чиво?

— Стрѣльба по являющейся цѣли. Послѣ „три"—пали!

И начинается команда: „Разъ"... „Два"... „Три"! и одновременно съ послѣднимъ возгласомъ изъ русскаго окопа по поясъ выскакиваютъ человѣкъ 6 солдатъ и моментально скрываются. Японцы хватаютъ ружья, палятъ, но мимо. Въ русскомъ окопѣ хохотъ, коему вторятъ и въ японскомъ. Затѣмъ такой же опытъ продѣлывается во второй разъ, только стрѣлки выскакиваютъ совсѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Японцы опять пуделяютъ. Веселья еще больше. Но вотъ и японцы захотѣли испробовать то же самое. И со стороны японскаго окопа раздается команда:

— Стрѣльба по являющейся цѣли... Разъ... Два... Три!

А нашъ отдѣленный той порой выставилъ на окопъ все свое отдѣленіе (чел. 50) и одновременно со словомъ «три» изъ русскаго окопа раздается залпъ по гребню японскаго. Выскочившіе японцы какъ разъ попадаютъ подъ залпъ, и кое-кто оказывается раненъ. Въ японскомъ окопѣ слышится крикъ, стоны и ругань русская по адресу русскихъ.

— Русска-маминка,—озлобленно кричитъ какой-то японецъ.

Близостью позицій японцы пользовались иногда и ко вреду нашему. Впереди форта № 3 и укрѣпленья № 3, былъ окопъ, захваченный нами у японцевъ. Онъ находился въ близкомъ сосѣдствѣ съ другими японскими окопами. Все, что ни дѣлала въ немъ охранявшая его наша часть, японцы отлично знали. И вотъ, однажды, въ 12 часу дня, во время обѣда, лишь только стрѣлки взяли свои порціи и принялись утолять голодъ, какъ неожиданно въ окопъ къ нимъ заскакиваютъ японцы. Послѣдніе, изучивъ привычки солдатъ и замѣтивъ полученный обѣдъ безъ выстрѣла выскочили изъ своего окопа и кинулись въ нашъ. Вооруженные ложками наши солдаты ничего не могли сдѣлать съ ринувшимися японцами и бросили окопъ, бѣжали.

Впрочемъ, японцы оказывались по отношенію насъ иногда деликатными. Правда, эта деликатность въ ихъ отношеніяхъ началась уже въ концѣ осады. Въ началѣ ея они заявили себя порядочно дикими. Такъ, послѣ августовскихъ штурмовъ, когда тысячи японскихъ труповъ лежали подъ нашими укрѣпленіями, японцы не позволили нашимъ санитарамъ убирать ихъ. Во всѣхъ появлявшихся для этой цѣли русскихъ они непремѣнно стрѣляли. И трупы ихъ солдатъ гнили, заражая воздухъ. Какъ выносили эту вонь на позиціяхъ, трудно понять. Даже въ городѣ невозможно было открывать окна въ домахъ по причинѣ труп-

наго запаха. Можно представить, что было на позиціяхъ! Но такое варварство продолжалось со стороны японцевъ недолго. Съ октября мѣсяца японцы послѣ каждаго своего штурма дѣлали перемиріе, во время котораго ихъ санитары убирали убитыхъ. Офицеры того и другого лагеря сходились въ это время гдѣ либо на нейтральной полосѣ и разговаривали, закусывая и выпивая. Японцы приносили намъ курицъ, галетъ, пива; русскіе со своей стороны потчевали ихъ водкой и консервами. Однажды, въ ноябрѣ мѣсяцѣ во время такого перемирія японцы прислали намъ 5 мѣшковъ почты. Это они благодарили насъ за возвращенную имъ драгоцѣнную шашку, взятую съ убитаго сына Ноги. Можно себѣ представить нашу радость, когда мы получили столь неожиданно изъ рукъ враговъ письма съ родины! Весьма трогательныя сцены въ это время можно было наблюдать среди офицеровъ. Одинъ солидный капитанъ навзрыдъ плакалъ, читая письмо отъ жены и узнавъ о благополучной жизни ея и сына. Да и всѣ мы были несказанно обрадованы этой почтой, нужды нѣтъ, что иныя письма были весьма поздней даты, — писаны въ августѣ, іюлѣ и даже маѣ. Японцы брались и наши письма переправлять въ Россію чрезъ свой главный штабъ, причемъ просили, чтобы мы не писали въ нихъ ничего о военныхъ операціяхъ. Одинъ подпоручикъ еще ранѣе перемирій переслалъ своей матери чрезъ посредство японцевъ деньги такимъ образомъ. Онъ написалъ письмо матери, вложилъ въ конвертъ вмѣстѣ съ письмомъ деньги (2—3 золотыхъ), прибавилъ еще просьбу къ японцамъ о пересылкѣ письма по адресу, привязалъ свое посланіе къ камню и забросилъ въ ближайшій японскій окопъ. Во время перваго перемирія подъ укрѣпленіемъ № 3, японцы намъ сообщили, что деньги подпоручика посланы по назначенію.

Японцы хотѣли взять городъ штурмомъ, для чего и повели противъ него въ августѣ бѣшеныя атаки, во время которыхъ ихъ люди гибли тысячами. Не взявъ такимъ путемъ крѣпости, они повели противъ нея правильную осаду. Но имъ самимъ весьма не нравилось сидѣть подъ Артуромъ, посматривая на несдающіяся позиціи, и ожидать нашей сдачи. Желая ускорить сдачу, они прибѣгали къ такому коварному способу. Они подбрасывали намъ прокламаціи, въ которыхъ называли войну, ведомую нами, несправедливою и совѣтовали солдатамъ сдаваться, переходить къ нимъ, причемъ увѣряли, что въ Маньчжуріи солдаты русскіе сдаются имъ прямо тысячами. Сдавшимся они обѣщали чуть ли не райскія блаженства. Одинъ разъ они послали намъ много карточекъ съ плѣнныхъ нашихъ офицеровъ и солдатъ, находившихся въ Мацуямѣ. На эти прокламаціи имъ отвѣчали письмами, въ которыхъ предлагали имъ самимъ заблаговременно уходить изъ подъ Портъ-Артура, и т. п.

III.

Позиція во время боя.

Жизнь позиціи совершенно мѣняетъ свой видъ во время боя. Обычно, если японцы не начали съ утра громить позиціи своей артиллеріей, то и весь день проходилъ спокойно. Подготовку своихъ штурмовъ японцы всегда начинали съ утра. Объ этихъ дняхъ обыкновенно въ крѣпости узнавали заранѣе— отъ китайцевъ; къ нимъ подготовлялись. И вотъ, обычно съ ранняго утра, японцы открывали огонь по укрѣпленіямъ крѣпости изъ своихъ безчисленныхъ орудій. Надъ позиціями начинали свистать мелкіе снаряды, пѣть шести-дюймовки и шипѣть страшные одиннадцати-дюймовые „паровозы". Всѣ эти снаряды рвались на позиціяхъ и надъ ними, засыпая ихъ массой огня, дыма, стали, свинца, желѣза. Вражеской канонадѣ отвѣчали наши орудія, которыхъ на линіи обороны было до 600. Весь этотъ адскій грохотъ и масса огня давали картину прямо неописуемую. Мнѣ пришлось быть въ церкви 6 августа, въ день отчаяннаго штурма японцевъ, и служить обѣдню. Въ этотъ день свою музыку японцы завели съ 6 час. утра. Грохотъ канонады и трескъ разрывавшихся снарядовъ часто заглушали возгласы священника. Казалось, что за стѣнами храма происходилъ стихійный разгромъ города. Безчисленные топоры, какъ будто безъ умолку и перерыву, били по бревнамъ; слышался трескъ какъ будто съ силой отрываемыхъ досокъ, грохотъ рушащихся строеній, чудились какіе-то вопли и стоны. Казалось страннымъ въ это время мирное стояніе большой толпы молящихся въ храмѣ и спокойное теченіе службы. Мирная служба и спокойствіе молящихся казались прямо неестественными.

Въ августѣ мѣсяцѣ бомбардировки японцевъ завершались отчаянными атаками. Японцы тогда шли въ атаку густыми колоннами и отчаянно лѣзли на наши укрѣпленія. Генералъ Ноги намѣренъ былъ взять крѣпость штурмомъ и не жалѣлъ своихъ полковъ. Разъ по семи, по десяти въ сутки на иныхъ позиціяхъ враги сходились на штыки. Штурмы продолжались съ 6 до 11 августа безъ перерыва. Даже ночью японцы дѣлали настойчивыя атаки и лѣзли на наши позиціи. Въ ночь на 9 августа они успѣли даже перескочить Китайскую стѣнку и взбѣжать къ Орлиному гнѣзду, но тутъ были всѣ переколоты подоспѣвшими резервами. Послѣ отбитыхъ въ августѣ съ громаднымъ для японцевъ урономъ штурмовъ, они стали умнѣе и перемѣнили тактику. Японцы пошли къ крѣпости „тихой сапой", т. е. стали подкапываться къ крѣпости и подходить къ ней окопами. И характеръ ихъ штурмовъ измѣнился. Артиллерійская подготовка штурмовъ стала еще продолжительнѣе и старательнѣе. Сосредоточеннымъ огнемъ своихъ орудій японцы старались въ конецъ разрушить намѣ-

ченную цѣль, уничтожить ея защитниковъ до одного и уже потомъ посылали пѣхоту для занятія разрушенной позиціи. Завладѣвъ какой нибудь позиціей, хотя бы разрушенной до тла, японцы умѣли какъ-то плотно присосаться къ ней. Они моментально вкапывались въ нее, закрывались мѣшками съ землей, немедленно ставили пулеметы, и выгнать ихъ съ занятаго пункта оказывалось уже въ большинствѣ невозможно.

Чтобы дать понятіе о боѣ подъ портъ-артурскими позиціями, опишу день 13 октября, день одного изъ отчаянныхъ штурмовъ крѣпости японцами. Этотъ штурмъ я наблюдалъ съ Орлинаго гнѣзда, самой высокой сопки на правомъ флангѣ (92 саж. высоты). Съ этого, самаго высокаго въ Артурѣ, пункта великолѣпно было видно все поле сраженія. Бой начался часовъ въ 8 утра. Когда я взошелъ на гору, уже всюду на нашихъ позиціяхъ безпрерывно рвались снаряды; огонь и дымъ безостановочно вылеталъ какъ будто изъ самыхъ нѣдръ земли; всѣ позиціи были сплошь окутаны дымомъ. Снаряды японскіе рвались такъ часто, что казалось невѣроятнымъ, чтобы это могли произвесть люди. Наши батареи отвѣчали японскимъ съ какимъ-то, какъ будто, отчаяніемъ и тоже развили ужасный огонь. Выстрѣлы раздавались всюду,—и спереди, и съ боковъ, и сзади; изъ города громыхали и съ какимъ то звономъ посылали свои снаряды наши береговыя и судовыя 10т-и 12-дюймовки. Гремѣлъ Электрическій утесъ; неслышно какъ будто и плавно посылала свои „блямбы" по адресу японцевъ Золотая гора. Картина получалась величественная и незабываемая. Эффектъ картины усиливался еще тѣмъ, что виновниковъ-то всей этой кутерьмы—людей—не было видно совершенно. Ни одинъ человѣкъ не показывался ни на нашихъ, ни на японскихъ позиціяхъ въ то время, когда грохотъ орудій неумолкаемо продолжался цѣлыми часами и наши позиціи буквально горѣли отъ безчисленныхъ снарядовъ врага и собственной пальбы. Казалось, сама земля взбунтовалась и стала массами изрыгать огонь и дымъ. Часовъ съ 3-хъ пополудни началась и ружейная пальба. Это было начало штурма. Съ Орлинаго гнѣзда видно было, какъ часовъ около 4-хъ изъ ближайшаго къ форту № 3 японскаго окопа выскочили кучками японцы и зигзагами, нерѣшительно перебѣжали въ нашъ окопъ, находившійся подъ самымъ фортомъ, и скрылись. Когда вечеромъ, часовъ въ 6, я сошелъ съ Орлинаго гнѣзда и зашелъ въ блиндажъ начальника участка, то узналъ, что японцы заняли послѣдній окопъ подъ фортомъ № 3 и открытый капониръ № 3. Всю ночь продолжались попытки отнять взятыя японцами позиціи. Онѣ въ теченіе ночи не разъ переходили изъ рукъ въ руки, но къ утру остались за японцами.

Подобное описанному происходило на артурскихъ позиціяхъ и во время всѣхъ другихъ штурмовъ, какъ напр. 17 октября, 7—22 ноября и др. Разница состояла лишь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и мѣстѣ главныхъ атакъ японцевъ. Напр., 17 октября японцы стремились взять штурмомъ укрѣпленіе № 3. Они нѣ-

сколько разъ послѣ ужаснаго обстрѣла посылали туда штурмовыя колонны. Но колонны таяли отъ нашего огня, еще не доходя до рва укрѣплепія. Одна колонна (ок. батальона) успѣла пройти сѣтку, взбѣжала на гласисъ и проникла въ самый ровъ укрѣпленія, но тамъ и погибла. Часть колонны взлетѣла на воздухъ отъ взрыва, происшедшаго внутри рва; остальные были истреблены ручными бомбочками. Обратно ихъ рва не выскочилъ никто. Одинъ японецъ, старшій унтеръ-офицеръ 2-й див., успѣлъ взлѣзть въ укрѣпленіе одинъ и въ немъ получилъ смерть ударомъ штыка въ ротъ. Онъ былъ похороненъ вмѣстѣ съ русскими солдатами и даже оказался отпѣтымъ мною въ общей массѣ убитыхъ, коихъ я отпѣвалъ на другой день утромъ на кладбищѣ при перевязочномъ пунктѣ № 4.

Съ 7 по 22 ноября штурмы японцевъ главнымъ образомъ были направлены на Высокую гору.

Въ исторіи осады Портъ-Артура Высокая гора сыграла весьма важную роль. Эта гора, иначе называемая „высота въ 203 метра“, находилась на лѣвомъ флангѣ обороны и поднималась надъ другими позиціями. Съ нея открывался великолѣпный видъ на весь Артуръ. Высотою она была около 85 саженъ; имѣла порядочно длинную, широкую и плоскую вершину. Со стороны японскихъ позицій подступъ къ ней былъ очень крутъ и труденъ. Благодаря своему положенію и высотѣ, Высокая гора явилась ключомъ ко всѣмъ укрѣпленіямъ Артура. Японцы понимали ея значеніе и еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ употребили всѣ свои силы, чтобы ее взять. Съ 5 по 12 сентября выдерживала Высокая гора отчаянную бомбардировку японцевъ и ихъ бѣшеные штурмы. Былъ моментъ, когда японцы сидѣли уже подъ гребнемъ горы, готовы были завладѣть ея вершиною, но мужество и изобрѣтательность ея защитниковъ,—особенно лейтенанта Подгурскаго,—спасли гору отъ взятія и тѣмъ надолго отсрочили паденіе Артура. Не мало погибло тогда защитниковъ Высокой, но ужасныя потери понесли и японцы. За недѣлю штурмовъ Высокой они потеряли не менѣе 10—15 тысячъ войска. Гибели своихъ отчасти японцы содѣйствовали и сами. Какъ въ августѣ, такъ и подъ Высокой было замѣчено, что японское начальство не допускало отступленія для колоннъ, посланныхъ на штурмъ. Начинавшихъ бѣжать подъ огнемъ русскихъ японцы сами разстрѣливали шрапнелью. Во второй разъ японцы начали штурмовать Высокую гору въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Къ этому времени мы гору основательно укрѣпили, настроили прочныхъ окоповъ, блиндажей, поставили артиллерію. Но и японцы къ этому времени пріобрѣли новыя средства для борьбы съ упорнымъ артурскимъ гарнизономъ. Къ октябрю японцы привезли и поставили на своихъ позиціяхъ одиннадцати-дюймовыя орудія мортирнаго типа и ими начали крушить нами позиціи. Силѣ 12-ти пудовыхъ снарядовъ этихъ ужасныхъ орудій у насъ не могло противиться ничто. Бетонъ фортовъ снаряды 11-ти дюймовокъ проходили и сокрушали такъ же легко, какъ дерево и землю. О силѣ такихъ снарядовъ можно

судить по тому, что они проходили, падая съ навѣсу, сразу три броневыя палубы на нашихъ броненосцахъ.

И вотъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, съ 7 числа японцы сосредоточили на Высокой горѣ огонь изъ 8 такихъ страшныхъ орудій. Кромѣ того, немилосердно стали разить ее также и снарядами другихъ всевозможныхъ калибровъ. Естественное дѣло, что всѣ блиндажи, защиты и батареи на Высокой были сметены и уничтожены быстро. Черезъ нѣсколько дней бомбардировки Высокая гора представляла голую поверхность, лишенную и тѣни прикрытія; нижніе и средніе окопы въ горѣ уже были заняты японцами. Но русскіе все же не думали сдавать Высокую и держались на ея вершинѣ. Рота за ротой выходили на эту Голгофу и таяли тамъ, какъ снѣгъ лѣтомъ, разстрѣливаемые непріятелемъ. Много тутъ погибло защитниковъ Артура! Въ нѣсколько дней гарнизонъ его порѣдѣлъ на цѣлую треть. Резервовъ не осталось совершенно. Были взяты нестроевыя роты полковъ, т. е. сапожники, портные, обозные, пекаря,—и посланы съ ружьями на гору—и тамъ, показавъ чудеса храбрости, погибли. Были взяты служителя-солдаты изъ госпиталей, сформированы въ команды и отправлены на Высокую, откуда многіе изъ нихъ быстро и возвратились въ свои госпитали, но уже не для службы, а для леченія... Наконецъ, нашли, что держать Высокую значитъ уничтожить весь гарнизонъ Артура,--и 22 ноября гору оставили.

Да, много людей сложило свои головы на этой несчастной горѣ! Намъ она стоила тысячъ 5-7; японцы за оба штурмовые періода потеряли на ней тысячъ 20—25. Сверху до низу залита Высокая гора кровью человѣческой. Скольких страданій, предсмертныхъ мукъ и тяжелаго прощанія съ жизнію была она безмолвнымъ свидѣтелемъ! А сколько горя, сколько тяжелыхъ драмъ еще дастъ—и даетъ уже—эта Высокая семьямъ и близкимъ погибшихъ на ней мучениковъ!? Одна такая драма разыгралась уже у насъ на глазахъ, въ Артурѣ.

Въ послѣдніе дни Высокой горы былъ посланъ на ея защиту вмѣстѣ съ ротой поручикъ 26 Вост.-Сибирскаго стрѣлковаго полка М. А. Агафоновъ. Рота его, какъ полагается, пришла и была разставлена по вершинѣ горы. Замѣтивъ вновь явившихся, японцы, тоже какъ полагается, усилили свой огонь по горѣ и скоро всю роту уничтожили. Командиръ пор. Агафоновъ былъ раненъ въ обѣ ноги и унесенъ съ вершины горы на перевязочный пунктъ, устроенный на склонѣ той же горы, въ закрытомъ отъ снарядовъ мѣстѣ. Здѣсь, какъ передаютъ очевидцы, Агафонову была сдѣлана перевязка ногъ, при чемъ онъ былъ въ сознаніи, курилъ. Затѣмъ его положили на носилки, и двумъ матросамъ поручили доставить его въ одинъ изъ городскихъ госпиталей. У Агафонова въ Артурѣ находилась супруга, О. А., которая не хотѣла оставить своего мужа въ тяжелое для него время и согласилась дѣлить съ нимъ всѣ бѣдствія осады. Г-жа Агафонова жила въ своей квартиркѣ, находившейся во флигеляхъ 9 В.-С. с. полка, и дома, не имѣя дѣтей, занималась шитьемъ бѣлья для нижнихъ чиновъ.

Сюда, числа 20 ноября, ей принесли вѣсть о томъ, что мужъ ея раненъ на Высокой и свезенъ въ госпиталь, но какой, неизвѣстно. О. А. немедленно взяла лошадку и поѣхала въ городъ искать по госпиталямъ своего раненаго супруга. Одновременно съ ней ѣздилъ по госпиталямъ и я, отыскивая офицера нашего полка М—скаго, раненаго также на Высокой горѣ и отправленнаго неизвѣстно куда. И я видѣлъ, какъ О. А. почти одновременно со мной заѣзжала въ госпитали (ихъ въ Артурѣ было до 15) и справлялась о мужѣ. Я своего офицера нашелъ въ морскомъ госпиталѣ; супругъ же г-жи Агафоновой не нашелся нигдѣ. Не довѣряя себѣ, О. А. и на другой день вновь объѣхала всѣ госпитали въ надеждѣ гдѣ-либо найти своего мужа, причемъ, провѣряя заявленія врачей, сама осматривала всѣхъ раненыхъ офицеровъ въ каждомъ госпиталѣ, но напрасно. Не привели также ни къ какимъ результатамъ розыски Агафонова въ госпиталяхъ, произведенные по приказанію ген. Кондратенко и ген. Стесселя. Поручикъ Агафоновъ нигдѣ не оказывался. Можно себѣ представить горе молодой женщины! Но она не приходила еще въ полное отчаяніе. Для нея оставалось еще предположеніе, что мужъ ея, раненый, остался на Высокой горѣ и взятъ въ плѣнъ японцами. И О. А. хватается за него. Въ сопровожденіи офицера и нѣсколькихъ стрѣлковъ идетъ она къ японскимъ позиціямъ. Посредствомъ бѣлаго флага вызываетъ японцевъ на переговоры и справляется у нихъ, нѣтъ ли въ числѣ взятыхъ на Высокой горѣ русскихъ раненыхъ поручика Агафонова. Отвѣтъ полученъ ею былъ отрицательный, что такого офицера ими въ плѣнъ не захвачено. Такимъ образомъ, раненый Агафоновъ таинственно изчезъ. Не было его среди живыхъ. Никто не видѣлъ также, чтобы его похоронили какъ мертваго. Вмѣстѣ съ нимъ исчезли и матросы, несшіе его съ перев. пункта.

Но эта самая безвѣстность судьбы Агафонова давала еще поводъ надѣяться, и О. А. жадно ухватилась за эту надежду. Она стала ожидать разъясненія судьбы своего мужа послѣ снятія осады съ Портъ-Артура. Она надѣялась, что тогда все уяснится и о своемъ супругѣ она получитъ извѣстіе изъ Японіи.

— Вотъ снимутъ осаду съ Артура и я поѣду въ Японію и найду тамъ М. А.,—говорила несчастная О. А.

На ея счастіе чрезъ мѣсяцъ Артуръ былъ сданъ, и всѣ мы отправились въ Японію. Г-жа Агафонова отправилась туда же, бросивъ въ Портъ-Артурѣ все свое имущество (на сумму до 2,000 рублей). Прибывъ въ гор. Нагасаки, она первымъ дѣломъ отправилась къ японскому начальству за справками о своемъ мужѣ. Но и здѣсь ей не могли дать точныхъ и положительныхъ свѣдѣній о томъ, не находится ли гдѣ либо въ Японіи плѣнный раненый поручикъ Агафоновъ. О. А-нѣ посовѣтовали ѣхать въ Россію, куда, по словамъ нагасакскихъ властей, дадутъ точныя свѣдѣнія о всѣхъ русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ во время осады Портъ-Артура. Съ надеждою получить свѣдѣнія о мужѣ на родинѣ, отправилась г-жа Агафонова въ

Россію; этою надеждою она и жила все время длиннаго плаванія по морямъ. Прибывъ въ Одессу въ мартѣ 1905 года, г-жа Агафонова немедленно отправилась въ Окружной Штабъ за справками о мужѣ. Здѣсь, на основаніи полученныхъ офиціальныхъ свѣдѣній, О. А-нѣ дали офиціальную справку, что мужъ ея, поручикъ 26 В.-С. с. полка Агафоновъ, не значится ни въ числѣ убитыхъ, ни въ числѣ раненыхъ, ни въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ портъ-артурцевъ.

Что оставалось дѣлать бѣдной женщинѣ?

Повидимому, необходимо было примириться съ мыслью о безнадежной гибели супруга и оплакивать его, какъ мертваго. Но нѣтъ. Любящее сердце женщины хватается за самый ничтожный поводъ, чтобы питать какую-нибудь надежду, какъ утопающій хватается за соломинку. Этой соломинкой для О. А-ны оказалось то обстоятельство, что мужа ея все-таки и среди убитыхъ *не было*! И она продолжала надѣяться найти его живымъ. Эту надежду ея поддержалъ еще одинъ случай. Въ Одессѣ г-жа Агафонова встрѣтила свою подругу дѣтства изъ одного съ нею учебнаго заведенія и города. Подруга ея сообщила, что имѣетъ изъ г. Н., отъ родныхъ, письмо съ извѣстіемъ, что будто мужъ О. А. находится во Владивостокѣ и ходитъ тамъ на костыляхъ. О самой О. А. писали подругѣ, что она находится въ Харбинѣ сестрой милосердія. Г-жа Агафонова радостно ухватилась за это извѣстіе и дала ему вѣру, хотя фантастичность его была уже очень велика. Съ надеждою положительно убѣдиться, что мужъ ея живъ, ѣдетъ О. А. въ Петербургъ. Дорогой она мечтала о встрѣчѣ съ мужемъ и высказывала радостныя предположенія, что ея Миша теперь навѣрно ѣдетъ изъ Владивостока въ Петербургъ; а быть можетъ уже онъ и пріѣхалъ и встрѣтитъ ее на вокзалѣ... Но на вокзалѣ въ Петербургѣ встрѣтила г-жу Агафонову лишь ея сестра. А свѣдѣнія, полученныя ею въ Одессѣ о мужѣ, совершенно не подтвердились. Бѣдной женщинѣ осталось страдать и надѣяться на чудесную помощь Божію ея дорогому супругу. Такъ она и дѣлаетъ.

Что касается истинной судьбы пор. Агафонова, то судить о ней возможно лишь предположительно. Трудно допустить, что онъ живъ. Если бы онъ былъ живъ, то во всякомъ случаѣ его бы нашли, или онъ самъ постарался бы дать о себѣ знать. Вѣрнѣе, что онъ убитъ, и даже не убитъ, а уничтоженъ безъ слѣда. Совершиться же это могло такъ. Съ перевязочнаго пункта, на которомъ дѣлали перевязку пор. Агафонову, его понесли два матроса. Путь въ городъ лежалъ по дорогѣ, сильно обстрѣливаемой непріятелемъ для предупрежденія подхода резервовъ. Возможно, что во время слѣдованія матросовъ съ раненымъ Агафоновымъ по этой дорогѣ, въ самую процессію попалъ снарядъ изъ большихъ, напр. одиннадцатидюймовый—и всѣхъ ихъ разнесъ на мелкія части и на далекое пространство. Слѣдовъ отъ ихъ гибели не осталось. На такой именно конецъ пор. Агафонова

наводитъ мысль и то обстоятельство, что самихъ матросовъ, несшихъ его, послѣ нигдѣ не оказалось.

Взятіе японцами Высокой горы было переломомъ въ исторіи осады Портъ-Артура. Послѣ этого событія крѣпость уже быстро стала клониться къ паденію, и безъ посторонней помощи нельзя было предотвратить его. Послѣ взятія Высокой горы, японцы въ два дня пустили ко дну нашъ грозный тихоокеанскій флотъ, который сталъ имъ отлично видѣнъ. Жаль до слезъ было видѣть, какъ могучіе гиганты-броненосцы безпомощно подставляли свои палубы и бока подъ японскіе 12-ти дюймовые снаряды, постепенно разрушались и гибли. Весь городъ былъ видѣнъ японцамъ какъ на ладони съ Высокой горы, и они всегда могли стрѣльбой парализовать его жизнь. Подступы и дороги къ позиціямъ праваго фланга также стали имъ видны, и японцы, обстрѣливая ихъ, препятствовали подвозу на позиціи боевыхъ припасовъ, провизіи, подходу резервовъ. Словомъ, послѣ паденія Высокой жизнь въ городѣ и защита крѣпости сдѣлались въ нѣсколько разъ тяжелѣе, чѣмъ прежде. И подержавшись еще около мѣсяца, Артуръ сдался.

Кто виноватъ въ томъ, что крѣпость должна была сдаться? Слѣдовало-ли ее сдавать? Почему еще не держались? Вотъ вопросы, которые мнѣ, участнику обороны Портъ-Артура, приходилось слышать отъ сотенъ людей. Трудно отвѣчать на эти вопросы; я, какъ человѣкъ не военный, при томъ мало знакомый съ жизнью Дальняго Востока, не берусь категорически рѣшать ихъ. Скажу лишь свое искреннее убѣжденіе, что не могу нисколько винить въ паденіи крѣпости—гарнизонъ ея. Гарнизонъ ея въ теченіе всей осады выказывалъ ежедневно чудеса храбрости. Наблюдая жизнь русскаго солдата на позиціяхъ, я убѣдился, что не можетъ быть никого выносливѣе, терпѣливѣе и храбрѣе нашего русскаго солдата. Нужно видѣть, съ какимъ феноменальнымъ мужествомъ онъ держится на позиціяхъ въ массѣ огня и смерти вокругъ, съ какимъ поразительнымъ хладнокровіемъ умираетъ онъ въ бою, какъ терпѣливо и спокойно относится онъ къ собственнымъ ранамъ, самымъ тяжкимъ и мучительнымъ,—нужно все это видѣть, чтобы убѣдиться, какъ силенъ духомъ и непобѣдимъ русскій солдатъ! И не онъ виноватъ, если мы терпимъ пораженія!...

———

IV.

Врачебная помощь раненымъ на позиціяхъ.

Для подачи первоначальной помощи раненымъ на позиціяхъ существовали перевязочные пункты. Сколько было такихъ пунктовъ по всей линіи сухопутной обороны для меня неизвѣстно. На правомъ флангѣ было четыре пункта. Пункты устраивались обычно, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ передовой боевой линіи, обезпечивавшемъ имъ кое-какую безопасность, и на скрещеніи нѣсколькихъ путей, по которымъ была бы удобна доставка раненыхъ съ окружающихъ позицій. Самую первую помощь раненымъ на мѣстѣ пораненія давали ротные фельдшера или сами солдаты, перевязывая раны бинтами, имѣющимися у каждаго солдата въ сумкѣ. Потомъ раненые приходили или доставлялись на перевязочный пунктъ. На пунктѣ раненому перевязку перемѣняли, давали самую необходимую помощь и отправляли въ городской госпиталь. Я близко знакомъ былъ съ дѣятельностію перевязочнаго пункта № 4, на которомъ происходили мои дежурства. Этотъ пунктъ былъ устроенъ подъ скалистымъ гребнемъ, въ полуверстѣ отъ укрѣпленія № 3, форта № 3, Заредутной батареи и соединенъ былъ съ названными позиціями хорошими путями. Нельзя сказать, чтобы этотъ пунктъ находился въ совершенной безопасности отъ непріятельскаго огня. Снаряды падали вокругъ него всюду. Это зависѣло отъ того, что кругомъ пункта, и спереди, и съ боковъ, и сзади, были батареи, по которымъ японцы стрѣляли. Частенько близъ пункта ложились шестидюймовки, 11-тидюймовки. Во время усиленныхъ бомбардировокъ во множествѣ падали осколки снарядовъ. Могъ бы, конечно, пострадать отъ снарядовъ и самый пунктъ, но по счастію въ него не попалъ ни одинъ снарядъ. Опасность представляла и дорога отъ пункта въ городъ. Путь шелъ чрезъ небольшой перевалъ, который былъ видѣнъ японцамъ. И они всегда производили обстрѣлъ всѣхъ шедшихъ и ѣздившихъ по этому пути въ теченіе дня—иногда изъ орудій, а чаще ружейнымъ огнемъ. Въ каждаго ѣдущаго или идущаго отпускалось японцами отъ 3 до 10 пуль. Къ счастію попаданія были не особенно частыя, и многіе проходили благополучно. Но бывали и случаи пораненій. Страдали санитары, носившіе раненыхъ, сами раненые, получая вторичныя раненія, обозные, лошади, возившія воду, пищу, патроны, снаряды. Подвергался на этомъ пути не разъ ружейному обстрѣлу японцевъ и авторъ сихъ записокъ, но раненъ не былъ. Спасая проходящихъ, начальство приказывало выкапывать боковые ходы сообщенія. Но они помогали лишь отчасти. Японцы всегда находили пунктъ, съ котораго могли обстрѣливать и эти новые ходы. По причинѣ этихъ опасностей пунктъ № 4 отъ Скалистаго кряжа

былъ переведенъ впослѣдствіи за перевалъ, ближе къ городу, рядомъ съ блиндажемъ начальника восточнаго фронта. Чрезъ мѣсяцъ онъ перешелъ и еще ближе къ городу.

Находясь у Скалистаго кряжа, перевязочный пунктъ № 4 помѣщался въ блиндажѣ, врытомъ въ гору съ противоположной отъ японцевъ стороны. Приблизительная величина его блиндажа была: длина около 10 арш., ширина около 5 и высота—около 3 аршинъ. На передней стѣнѣ блиндажа были устроены двери, а по бокамъ ихъ по окну. Ночью блиндажъ освѣщался электричествомъ. Заднюю половину блиндажа занимали нары, на которыхъ располагались спать ночью врачи, фельдшера и санитары. Тутъ же помѣщался и дежурившій священникъ. Для операцій съ ранеными были устроены два стола, стоявшіе подлѣ оконъ. Обычно на пунктѣ дежурило врача три съ фельдшерами отъ разныхъ полковъ, части которыхъ были расположены на окружающихъ позиціяхъ. Когда въ качествѣ резерва на позиціяхъ появились моряки, то на пунктахъ наряду съ полковыми стали дежурить врачи и фельдшера съ судовъ. При перевязочномъ пунктѣ положено было опредѣленное число санитаровъ изъ солдатъ. Но такъ какъ скоро въ каждомъ лишнемъ солдатѣ явилась нужда на позиціи, то строевые солдаты были замѣнены дружинниками и музыкантами. Для этой цѣли большинство музыкантскихъ командъ при полкахъ были расформированы и пре вращены въ санитаровъ.

Обычная работа врачей на пунктѣ заключалась въ амбулаторномъ пріемѣ больныхъ съ позицій и перевязкѣ раненыхъ, которые приносились ежедневно. Тяжелыя времена наступали для врачей въ періоды штурмовъ. Тогда пунктъ быстро наполнялся ранеными. Не помѣщавшіеся въ блиндажъ раненые располагались на носилкахъ близъ пункта, близъ дороги, хотя здѣсь было не безопасно отъ осколковъ. Бывали даже случаи, когда лежавшихъ тутъ раненыхъ добивали на смерть подобные осколки. Врачамъ въ такія времена было работы по-горло. Перевязку дѣлали не только врачи, но и фельдшера; имъ помогали находившіеся на пунктахъ священники. Временами на перевязочныхъ пунктахъ, особенно въ періоды штурмовъ, пріѣзжали изъ города добровольныя сестры милосердія. Часто являлись двѣ—Евдокія Ивановна и Софія Карловна (фамилій не помню). Обѣ онѣ дѣвушки, служившія въ городскомъ управленіи. Ихъ сопровождалъ всегда пожилой господинъ, кажется, гражданскій инженеръ. Обыкновенно, какъ только начинается на нашемъ флангѣ штурмъ, всѣ эти три лица являлись на пунктъ и привозили съ собою вина, папиросы, провизію. Всѣмъ этимъ они потчевали прибывавшихъ на пунктъ раненыхъ. Иногда привозили они бѣлья и тутъ же надѣвали его раненымъ взамѣнъ порваннаго и залитаго кровью. Нужно было удивляться терпѣнію сестеръ, проводившихъ нерѣдко среди раненыхъ въ нашемъ блиндажѣ цѣлыя сутки,—пока длился бой. Съ половины октября на нашемъ пунктѣ появилась еще сестра Вильгельмина Карловна Кригъ, молодая дѣвушка.

ѳта сестра ранѣе служила около 7 мѣсяцевъ въ одномъ изъ госпиталей и уже хорошо знала дѣло ухода за ранеными. Я помню, какъ она, появившись въ первый разъ на пунктѣ 17 октября, въ день штурма легко и умѣло принялась за дѣло помощи раненымъ, чѣмъ и удивила пріятно всѣхъ. Она сама помогала санитарамъ поднимать и перекладывать раненыхъ съ носилокъ на операціонный столъ; быстро подавала докторамъ все нужное, шарики ваты, смоченные въ карболкѣ, бинты, ножницы; сама быстро и ловко бинтовала раны. Страдавшихъ и стонавшихъ, кричавшихъ отъ боли раненыхъ она успокаивала ласковыми словами. Иному болѣе другихъ метавшемуся отъ страданій раненому она ложилась на грудь и, ласково его уговаривая, цѣловала его. И больной невольно стихалъ подъ ея вліяніемъ.

Послѣ 17 окт. В. Кригъ такъ и осталась у насъ на пунктѣ. Впослѣдствіи, когда пунктъ перекочевалъ отъ Скалистаго кряжа въ мѣсто болѣе безопасное, ей въ блиндажѣ пункта была отгорожена келейка, гдѣ она и жила. Въ свободное время Кригъ нерѣдко ходила оттуда на отпѣванія убитыхъ, несмотря на опасную дорогу, по коей приходилось итти къ прежнему мѣсту пункта (гдѣ было кладбище), и несмотря на то, что осколки снарядовъ падали весьма близко подлѣ молящихся. Когда начались въ ноябрѣ штурмы Высокой горы, В. Кригъ перекочевала туда и тамъ заявила себя храброй и самоотверженной сестрой. За свои труды и мужество, обнаруженные ею при перевязкѣ раненыхъ подъ огнемъ непріятеля, В. Кригъ получила двѣ медали, притомъ одну на Георгіевской лентѣ.

При перевязочномъ пунктѣ № 4 кромѣ докторовъ еще дежурили священники отъ 14, 15 и 16 полковъ поочереди. Дежурившій священникъ находился два дня безотлучно на пунктѣ. Впрочемъ, впослѣдствіи, когда пунктъ былъ перенесенъ ближе къ городу, священники являлись ежедневно на пунктъ изъ города и исполняли тамъ требы. Главная обязанность священника была отпѣваніе убитыхъ нижнихъ чиновъ (офицеровъ обычно увозили въ госпитали). Тутъ же, у перев. пункта, было устроено и кладбище. Что касается напутствованія умирающихъ, то это дѣло совершать на пунктѣ приходилось весьма рѣдко. Мнѣ приходилось напутствовать умирающихъ лишь во время боевъ 3 и 13 мая, впереди Кинчжоу и подъ нимъ, когда раненые надолго оставались на пунктѣ и до госпиталей, находившихся въ Артурѣ, было далеко. На пунктѣ же подъ фортомъ № 3 приносимые тяжело раненые большею частію были безъ сознанія, почему совершать надъ ними таинство было невозможно. А если оказывались тяжело раненые въ сознаніи, то они настолько были еще сильны, что немедленной нужды въ напутствованіи ихъ не представлялось. Ихъ успѣвали донесть до госпиталя, гдѣ они и поступали уже въ распоряженіе госпитальныхъ врачей и батюшекъ. Болѣе всего на пунктѣ священнику приходилось отпѣвать. Порой,

во времена штурмовъ, священники помогали докторамъ въ ихъ работѣ или вели регистрацію раненыхъ.

Но и эта главнѣйшая обязанность—отпѣваніе убитыхъ—была для священниковъ достаточно тяжела, конечно, не физически, а нравственно. Убитые бывали безъ исключенія каждый день, иногда одинъ два, чаще 6—10 человѣкъ. Въ дни послѣ штурмовъ и убитыхъ приходилось отпѣвать десятками и даже сотнями. И какія тяжелыя минуты приходилось намъ переживать въ моменты отпѣванія этихъ бѣдныхъ солдатиковъ! Прежде всего поражали глазъ всевозможные позы и виды мертвыхъ. Это не были прилично одѣтые, благообразно уложенные въ гробы съ закрытыми глазами и сложенными руками покойники, такихъ мы привыкли видѣть въ мирное время. Нѣтъ, здѣсь вы видите предъ собою массу (цѣлую площадь иногда) тѣлъ во всевозможныхъ положеніяхъ, всячески изуродованныхъ и перекалѣченныхъ, въ грязной, порваной и залитой кровью одеждѣ. Многіе солдаты лежали съ руками, протянутыми для стрѣльбы: лѣвая рука вытянута впередъ, правая приближена къ груди. Видимо смерть, отъ пули или шрапнели въ голову, моментально сразила ихъ въ то время, когда они стрѣляли изъ ружей, и они закоченѣли въ этомъ положеніи стрѣляющаго солдата. Иной застылъ, поднявъ руку какъ бы для защиты головы отъ удара,—а этой головы то у него и нѣтъ. Большинство убитыхъ лежало съ открытыми глазами... Изъ многихъ солдатъ современная усовершенствованная боевая техника сдѣлала что-то въ родѣ крошева, гдѣ не разобрать даже отдѣльныхъ членовъ. Отъ нѣкоторыхъ приносили въ могилу только остатки—руку, ногу, обожженую голову... Мучительно тяжело было напутствовать въ жизнь вѣчную этихъ мучениковъ глупости и злобы человѣческой, такихъ большею частію молодыхъ, крѣпкихъ, бывшихъ незадолго предъ тѣмъ здоровыми, веселыми, любившихъ, мечтавшихъ вернуться домой, къ семьямъ... Грустно было хоронить ихъ вдали отъ родины, безъ родныхъ, лишенныхъ капли родственнаго участія, знаковъ любви, въ ихъ же окровавленныхъ костюмахъ, плотно уложенныхъ одинъ къ одному... Во мнѣ послѣ каждыхъ похоронъ этихъ несчастныхъ сыновъ Россіи, гибнувшихъ въ ужасно далекомъ, чужомъ краю, всегда возникало чувство горечи и обиды противъ виновниковъ убійственной войны.

Всѣхъ убитыхъ зарывали въ общія—братскія могилы, иногда по 20, иногда по 30, 40 и болѣе человѣкъ, укладывая плотными рядами и другъ на друга ряда въ два и три. Надъ каждой могилой ставили общій крестъ. Такихъ крестовъ на нашемъ кладбищѣ выросъ лѣсокъ (ок. 25), который и испугалъ одного мнительнаго генерала, начальника отдѣла обороны. Прійдя разъ на пунктъ изъ своего блиндажа, генералъ былъ непріятно пораженъ обиліемъ крестовъ на могилахъ сложившихъ свои головы воиновъ. Онъ приказалъ кресты убрать, яко бы для того, чтобы они не смущали бодрость живыхъ воиновъ, ходившихъ мимо на бой. Только заступничество нѣкоторыхъ лицъ, объяснившихъ генералу,

что православнаго воина кресты на могилахъ павшихъ братьевъ отнюдь не пугаютъ и не приводятъ въ малодушіе, спасло кресты: они были оставлены на могилахъ, только въ лежачемъ положеніи.

4 октября 1904 года была похоронена вмѣстѣ съ другими на кладбищѣ у перевязочнаго пункта артурскій стрѣлокъ—женщина Харитина Короткевичъ.

Харитина Короткевичъ была дочь крестьянина Тобольской губ., Купянскаго уѣзда, Сычевской волости, дер. Пестеревой, Евстафія Верхозина. Шести лѣтъ она лишилась родной матери, а подросши пошла въ услуженіе, своимъ трудомъ помогая семьѣ. Благодаря этому у нея выработался самостоятельный характеръ и умѣнье постоять за себя. Служила она въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ лицъ. Между прочимъ она служила прислугой въ буфетѣ на линіи жел. дороги и у прокурора омскаго окружнаго суда. Когда она была на этомъ послѣднемъ мѣстѣ, о ней прослышалъ крестьянинъ Уссурійской области Яковъ Петровичъ Короткевичъ, какъ о человѣкѣ весьма хорошемъ и добраго поведенія. Короткевичъ въ это время держалъ буфетъ на станціи Барымъ, китайской восточной жел. дороги; свѣдѣнія о Харитинѣ Верхозиной далъ ему одинъ изъ служащихъ жел. дороги, знавшій ее ранѣе. Предполагая жениться, если Харитина понравится ему, Короткевичъ выписалъ ее чрезъ того же пріятеля къ себѣ. Она пріѣхала 4 іюля 1902 года и первоначально была принята Короткевичемъ въ качествѣ прислуги. Ей въ это время было 20 лѣтъ. Ознакомившись съ ней, Короткевичъ на ней женился—27 октября 1902 года. Харитина оказалась доброй помощницей, хорошей женой мужу въ торговлѣ. При это она отличалась всегда добросердечіемъ къ бѣднымъ и всегда оказывала имъ помощь. Не имѣя собственныхъ дѣтей, она пріютила сироту-китайченка и окрестила его.

Неожиданно нагрянувшая война съ Японіей вдругъ прервала счастливую жизнь семьи Короткевичъ. Какъ запасный солдатъ (призыва 1893 г.), мужъ Харитины долженъ былъ стать въ ряды защитниковъ отечества. Ему выпала доля служить въ 13-мъ Восточно-Сибирскомъ стрѣлковомъ полку, къ которому онъ и прибылъ 4 февраля. Полкъ въ это время стоялъ въ Нагалинѣ. Харитина осталась дома и завѣдывала хозяйствомъ мужа,—у него на станціи былъ собственный домъ и порядочная торговля. 27 февраля она пріѣхала къ мужу на свиданіе, въ сопровожденіи своего пріемыша-китайченка, и, поживъ 4 дня, вернулась домой. Затѣмъ она рѣшила пріѣхать къ мужу на Пасху и доѣхала уже до Харбина, но далѣе ее не пропустили, какъ женщину. Недолго думая, она снимаетъ свой женскій костюмъ, стрижетъ свою прекрасную русую косу, наряжается въ костюмъ желѣзнодорожнаго служащаго и, благодаря знакомству съ жел.-дорожными служащими, пріѣзжаетъ въ Таліенванъ, гдѣ тогда стоялъ полкъ, подъ видомъ проводника вагона. Это было въ началѣ апрѣля на Святой. Возращаться обратно домой она уже не захотѣла и жила съ полкомъ, при чемъ сначала носила женскую одежду. Когда же полкъ выступилъ въ походъ подъ Кинчжоу, быть въ полку въ

женской одеждѣ оказалось весьма неудобнымъ, и Харитина, съ разрѣшенія полкового начальства, переодѣлась въ солдатскую одежду, получила ружье съ патронами и стала называться Харитономъ Короткевичъ, стрѣлкомъ 7-й роты 13 В.-С. стр. полка. Харитонъ быстро освоился съ ружьемъ и ружейными пріемами, усвоилъ правила и порядки солдатской жизни. Солдаты, товарищи Харитона, отнесшіеся сначала къ выходкѣ его какъ къ легкомысленной затеѣ, вскорѣ увидѣли серіозность его намѣреній, стойкость, которую онъ переносилъ наравнѣ съ ними, тяготы походной жизни, и прониклись къ нему уваженіемъ. Обходительность же нрава Харитона, его доброта, прямо расположили въ пользу его всю роту. Харитонъ всегда дѣлился съ солдатами чѣмъ могъ, на лишнія деньги покупалъ имъ папиросъ, хлѣба, шилъ и стиралъ имъ бѣлье. Отшагавъ дневной переходъ наравнѣ со всѣми въ ружьѣ, съ патронами, палаткой и шинелью за спиной, Харитонъ на привалѣ первый принимался за поиски воды, искалъ топливо и кипятилъ солдатамъ чай. Вскорѣ пришлось Харитону показать себя и храбрымъ солдатомъ. Въ своей ротѣ Харитонъ, наравнѣ съ мужемъ, несъ сторожевую службу, ходилъ въ заставы и секреты и попалъ съ ротой на Угловую гору. Во время сраженія на Угловой, 6 авг., Яковъ Короткевичъ былъ раненъ въ ногу шрапнелью и отнесенъ въ полевой подвижной госпиталь № 6; съ нимъ туда отправился и Харитонъ. Здѣсь онъ пробылъ около двухъ-трехъ недѣль, при чемъ помогалъ раненымъ, научился дѣлать перевязки и ухаживать за ранеными. Но остаться здѣсь съ мужемъ до его выздоровленія Харитонъ не пожелалъ, — его тянуло на войну, въ сраженіе и на опасности. Харитонъ еще изъ госпиталя ходилъ на поле сраженія. Когда въ сентябрѣ было дѣло на горѣ Высокой, Харитонъ отправился туда, ходилъ по ложементамъ, не смущаясь летавшей кругомъ смерти, подбиралъ раненыхъ и выносилъ ихъ изъ сферы огня, причемъ словомъ и примѣромъ подбадривалъ санитаровъ, робѣвшихъ при видѣ ливня всякихъ смертоносныхъ вещей, посылаемыхъ непріятелемъ. Въ срединѣ сентября Харитонъ совсѣмъ оставилъ госпиталь и явился въ роту на службу. Командующій 2 баталіономъ капитанъ Гусаковскій взялъ его къ себѣ посыльнымъ. Въ этой должности онъ и пробылъ до самой смерти. На Китайской стѣнкѣ, куда поселился кап. Гусаковскій, стрѣлокъ Харитонъ часто занимался стрѣльбой изъ ружья по японцамъ, исполнялъ порученія батальоннаго командира, ходилъ въ городъ къ мужу и, возвращаясь, приносилъ непремѣнно гостинчикъ солдатамъ. 5 октября Харитонъ предполагалъ праздновать свои именины и уже отпросился у командира въ городъ, но Богу было угодно распорядиться иначе. 3-го октября, съ 11 часовъ, японцы начали энергичный обстрѣлъ капонира № 3 и всѣхъ позицій центра—отъ Курганной батареи до форта № 2. Харитонъ былъ при командирѣ, распоряжавшемся по участку. Въ это время, час. около 3-хъ, Харитонъ, перевязавъ раненаго въ ногу стрѣлка, ходилъ за кап. Гусаковскимъ и зашелъ вмѣстѣ съ нимъ въ блиндажъ 5-й роты 13-го В.-С. с. пол. Уже пошли изъ блиндажа, и

кап. Гусаковскій уже шагнулъ изъ него, какъ въ блиндажъ ворвалась 11-тидюймовая японская бомба, гдѣ и разорвалась. Капитанъ Гусаковскій былъ сильно толкнутъ воздухомъ и упалъ на землю, а Харитонъ, вмѣстѣ съ другимъ посыльнымъ, былъ разорванъ на мелкія части и погребенъ подъ развалинами блиндажа.

Остатки тѣла убитаго Харитона были снесены въ общую солдатскую могилу у Скалистаго кряжа (гдѣ перевязочный пунктъ) и тутъ погребены.—Такъ окончилъ жизнь свою доблестный стрѣлокъ Харитонъ-Харитина Короткевичъ. Своимъ подвигомъ онъ еще разъ, ясно, доказалъ всему міру, что можетъ сдѣлать женщина въ трудную годину государства. Харитина Короткевичъ, показала, какъ русская женщина, бросивъ свои занятія, легко и свободно берется за несродное ей воинское ремесло, охотно несетъ всѣ тяготы и опасности военной жизни и не боится смотрѣть смерти въ глаза,—когда она чувствуетъ опасность для родины и сознаетъ нужду въ своей помощи.

Чтобы восполнить характеристику Харитины Короткевичъ, скажемъ, что она была любящей женой, добрымъ товарищемъ стрѣлкамъ и исполнительнымъ служакой.

Она не любила, когда къ ней обращались какъ къ женщинѣ, и о себѣ говорила въ мужскомъ родѣ—„ходилъ, сидѣлъ“ и т. п. Ея женское вліяніе сказывалось на солдатахъ лишь въ томъ отношеніи, что въ ея присутствіи они не допускали столь обычныхъ своихъ „крѣпкихъ“ словечекъ и сомнительныхъ анекдотцевъ. Всѣ сослуживцы Харитины искренно сожалѣли о ней, узнавъ о ея гибели. Мужъ Харитины узналъ о смерти ея только черезъ сутки. Можно себѣ представить его горе.

О Харитонѣ, какъ женщинѣ, знало и военное начальство, но видя ея искреннее желаніе добросовѣстно служить, допускало ея присутствіе въ рядахъ стрѣлковъ и даже поощряло ее иногда словомъ одобренія или подаркомъ.

———

Жизнь въ городѣ.

V.

Населеніе города; его жизнь.

Не считая гарнизонъ крѣпости и моряковъ съ военныхъ судовъ, населеніе города Портъ-Артура во время осады достигало 15—20 тысячъ. Въ мирное время его было гораздо болѣе; но большая его часть покинула городъ послѣ объявленія войны. По народности большинство населенія были китайцы. Они занимали отдѣльную, восточную часть города, такъ называемый Новый Китайскій городъ. Остальное населеніе города составляли русскіе. Наибольшая часть была поляки, евреи. Были тутъ чиновники разныхъ вѣдомствъ и преимущественно военнаго, купцы, ремесленники; было много рабочихъ, вызванныхъ изъ Россіи для порта. Хотя послѣ открытія военныхъ дѣйствій, по приказу коменданта, женщины и дѣти были высылаемы изъ города, но и во время осады было много женщинъ, не пожелавшихъ покинуть Артура. По регистраціи всѣхъ женщинъ въ городѣ было до 600. При нихъ, разумѣется, были и дѣти. Русское населеніе занимало такъ называемый Старый городъ; здѣсь жили преимущественно военные и происходила торговля. Частное населеніе помѣщалось главнымъ образомъ въ Новомъ Русскомъ городѣ,—по строенію, лучшей части Артура.

Въ началѣ осаднаго періода, до бомбардировокъ города, жизнь въ немъ текла совершенно обычно. Было порядочное движеніе на улицахъ, шла бойко торговля, кипѣлъ трудовой жизнью портъ. Сотни китайцевъ работали надъ устройствомъ подъ Золотой горой громаднаго дока *). Работали какъ обычно разныя присутственныя мѣста и канцеляріи. Прекратила свои операціи лишь почта, такъ какъ послѣ закрытія сообщенія съ Россіей, 26 апрѣля 1904 г., и сдачи Дальняго съ Таліенваномъ, 13 мая, корреспонденцію отправлять стало некуда. Дѣятельность почты ограничилась лишь операціями Сберегательной кассы, которыя были прекращены послѣ первой бомбардировки города съ суши—25 іюля До громадной степени, также въ силу обстоятельствъ, сократило

---

*) Этотъ докъ они копали до ноября мѣсяца, т. е. почти все время осады.

свою дѣятельность желѣзно-дорожное вѣдомство. Послѣ перерыва сообщенія желѣзно-дорожный путь сразу сократился съ 10-тысячнаго (отъ Спб) до 60 верстъ. Затѣмъ мало-по-малу онъ сокращался все болѣе и болѣе. Послѣ 13 мая поѣзда стали ходить лишь до разъѣзда 19 версты, а послѣ 17 іюля и совершенно некуда стало отправлять поѣзда. Паровозы наши, къ этому времени уже и попортившіеся (мастерскихъ въ Артурѣ не было), надолго смолкли и затихли. Желѣзно-дорожное вѣдомство надолго почило отъ трудовъ своихъ.

Не ослабляли своихъ трудовъ во время осады также рестораны и разныя увеселительныя мѣста.

Замѣтно измѣнилась жизнь города послѣ 25 іюля, когда начались бомбардировки. Подъ вліяніемъ безпрестаннаго опасенія за свою жизнь населеніе города стало сокращать свои внѣшнія дѣла и операціи, требовавшія пребыванія внѣ дома, меньше показывалось на улицѣ, стремилось укрываться и жить подъ какими-либо защитами. Начала сокращаться и торговля. Трусливые китайцы прикрыли большинство своихъ магазиновъ. Но русскія фирмы продолжали торговлю. Этому содѣйствовалъ своими приказами и начальникъ укрѣпленнаго района генералъ-адъютантъ Стессель. Кромѣ того, нормируя цѣны, онъ спасалъ жителей отъ хищническихъ аппетитовъ торговцевъ предметами первой необходимости, которые, пользуясь исключительностію положенія, безбожно начали повышать цѣны на товары. Строгое наблюденіе ген.-адъютанта Стесселя также устраняло въ городѣ всякіе безпорядки и неблагопристойности.

Частныхъ жителей мужскаго пола, вырванныхъ изъ условій обычной дѣятельности, ген.-адъютантъ Стессель привлекъ къ оборонѣ Портъ-Артура. По его распоряженію изъ жителей города были образованы 12 дружинъ, раздѣленныхъ на 3 батальона. Всего дружинниковъ было тысячи три. Въ дружинники поступали рабочіе, ремесленники; было много и интеллигентовъ,— чины судебнаго вѣдомства, желѣзно-дорожные служащіе, почтовые чиновники и другія лица. Дружинникамъ даны были ружья, патроны, и они подъ руководствомъ опытныхъ унтеровъ изучали военные артикулы, учились владѣть ружьемъ. Дружинникамъ поручали караульную службу; посылали ихъ въ резервъ на позиціи, а иногда даже на передовыя линіи. Они же помогали во время штурмовъ убирать съ поля сраженія раненыхъ и убитыхъ. Когда изъ госпиталей взяли солдатъ на позицію, то ихъ замѣнили дружинники, которые потомъ и работали въ госпиталяхъ до сдачи Артура. Въ числѣ дружинниковъ былъ также и главноуполномоченный Краснаго Креста, егермейстеръ Высочайшаго Двора, Иванъ Петровичъ Балашовъ. Онъ добросовѣстно выполнялъ все, что требовалось отъ дружинниковъ по уставу военной службы: маршировалъ, ходилъ въ караулы и т. п. Нерѣдко въ числѣ дружинниковъ являлся во время боя на позиціи и подъ огнемъ выносилъ раненыхъ. За свою храбрость, И. П. Балашовъ былъ награжденъ отъ ген.-адъютанта Стесселя медалью на геор-

гіевской лентѣ. Частныя женщины, оставшіяся въ Портъ-Артурѣ, также были привлечены къ работѣ по крѣпости. Большинство женщинъ были записаны въ добровольныя сестры милосердія и работали по госпиталямъ. Жена ген.-адъютанта Стессель организовала изъ простыхъ женщинъ швейную мастерскую для изготовленія бѣлья нижнимъ чинамъ. Она устроила также прачечную, для мытья солдатскаго бѣлья, въ которой работали солдатки и другія женщины, занимавшіяся легкими профессіями.

Какъ обычно, въ храмахъ осажденнаго города происходили богослуженія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Спеціально построенная церковь въ Артурѣ была одна,—это такъ называемая Отрядная церковь. Зданіе ея было деревянное, съ колокольнею. Она замѣняла въ Артурѣ соборъ; около нея совершались парады въ высокоторжественные дни. Къ сожалѣнію, во время бомбардировокъ, церковь эта была разбита снарядами и службы въ ней не было съ сентября мѣсяца. Кромѣ нея было въ городѣ еще церквей 5 полковыхъ, устроенныхъ въ казармахъ. Нѣкоторыя были богато обставлены иконами и утварью. Было еще нѣсколько церквей госпитальныхъ. Службы во всѣхъ храмахъ Божіихъ совершались неопустительно во все время осады. Всегда находились и богомольцы. Или были преимущественно солдаты, какъ изъ резервныхъ частей, такъ и съ позицій. Для послѣднихъ не служила препятствіемъ отдаленность храма отъ позицій. Не пугались богомольцы и бомбардировокъ города, часто случавшихся во время службы, когда снаряды могли попасть и въ храмъ. Вообще, нужно сказать, солдаты артурскаго гарнизона были весьма религіозны. Они любили храмы Божіи и службу, съ радостью молились на позиціяхъ, жертвовали свои гроши въ храмъ. Часто и охотно они исповѣдывались и пріобщались св. Таинъ. Каждую службу у меня въ церкви (15 п.) было человѣкъ отъ 5 до 20 и болѣе исповѣдниковъ и причастниковъ. Нерѣдко, умирая, солдатики завѣщали оставшіяся свои скудныя сбереженія на номинъ своей души въ храмы. Мною получены, отъ товарищей-земляковъ нѣсколькихъ убитыхъ солдатъ 15 п. (и одного 13) таковыя деньги, согласно волѣ умиравшихъ, назначенныя въ храмъ.

Но были и среди офицеровъ люди искренно вѣрующіе, преданные церкви.—Въ моей практикѣ былъ такой случай. 3 мая 1904 г. генералъ Фокъ производилъ рекогносцировку на передовыхъ позиціяхъ Кинчжоу съ полками 4-й В.-Сиб. стр. дивизіи. Я находился на перевязочномъ пунктѣ, устроенномъ въ помѣщеніи жел.-дорожной станціи „Кинчжоу". Къ полудню сюда прибыло уже много раненыхъ, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ. Между прочимъ, былъ принесенъ одинъ штабсъ-капитанъ артиллеристъ, тяжело раненый въ животъ, а также въ руку (съ переломомъ) и ногу. Раны его оказались настолько серіозны, что докторъ, перевязывавшій штабсъ-капитана, сообщилъ мнѣ, что раненый не доживетъ и до вечера. Тогда я подошелъ къ нему и предложилъ ему исповѣдаться и пріобщиться. Шт.-капитанъ сказалъ:

— Вы, батюшка, ужъ на тотъ свѣтъ меня отправляете!

Я возразилъ:

— Нѣтъ, я хочу только дать вамъ небесное лекарство.

— Но я—лютеранинъ,—заявилъ шт.-капитанъ.

— Если вы вѣруете въ силу таинствъ православной церкви, то вамъ ихъ можно преподать,—говорю я.

— Вѣрую, батюшка, всѣмъ сердцемъ вѣрую...—сказалъ раненый.

Тогда я исповѣдалъ его и пріобщилъ св. Таинъ. Съ благоговѣніемъ и со слезами на глазахъ принялъ раненый св. Причастіе. И что же!? Господь явно явилъ на немъ Свою милость: шт.-капитанъ не умеръ, къ чему его приговорилъ врачъ, а будучи отправленъ въ Сводный госпиталь, поправился и чрезъ мѣсяцъ уже ходилъ.

Въ моемъ храмѣ часто можно было видѣть еще двухъ оригинальныхъ богомольцевъ—китайскихъ мальчиковъ лѣтъ 14-15. Это были пріемныя дѣти 15 В.-Сиб. стр. полка, пріобрѣтенныя имъ во время странствованія по Маньчжуріи. Они были сироты и изъ состраданія подобраны полкомъ. Одинъ китайченокъ, по прозвищу Ванька, росъ при канцеляріи полка, состоя на посылкахъ у писарей; другой—Васька жилъ у штабсъ-капитана Мельникова, а послѣ его смерти, 8 авг., перешелъ ко мнѣ. Оба были не крещены, но оба грамотны немного по-русски. Иванъ могъ довольно хорошо изъясняться по-русски, а Василію русская рѣчь давалась туго, хотя онъ былъ старше Ивана. До моего прибытія въ полкъ, китайчатами особенно никто не занимался, и они росли, впитывая въ себя спеціальную русско-солдатскую цивилизацію. Я обратилъ на нихъ вниманіе и сталъ съ ними заниматься. Собственно цѣль моихъ занятій была—оглашеніе ихъ въ вѣрѣ Христовой для приготовленія ко крещенію. Я сталъ изустно проходить съ китайчатами сначала событія двунадесятыхъ праздниковъ по картинамъ, потомъ исторію ветхаго и новаго завѣта. Параллельно мы изучали славянскія молитвы, „вѣрую“, заповѣди. Мой церковникъ сталъ обучать ихъ русскому чтенію и произношенію. Занятія наши происходили по утрамъ и вечерамъ. Въ теченіе 6 мѣсяцевъ занятій китайчата мои успѣли усвоить почти весь начальный курсъ Закона Божія. При этомъ мнѣ нравилось ихъ живое увлеченіе предметовъ. Они съ жадностью слушали мои разсказы изъ Св. Исторіи, охотно и съ увлеченіемъ повторяли, основательно усвоивали разсказы. Труднѣе дѣло шло съ молитвами, гдѣ имъ очень тяжело давался славянскій текстъ. Но и эту трудность, при своемъ искреннемъ стараніи, они скоро преодолѣли. Китайчата охотно ходили въ храмъ Божій, всѣмъ въ немъ интересовались. Они подробно разспрашивали меня о всѣхъ предметахъ, видѣнныхъ ими въ храмѣ, о всѣхъ святыхъ, изображенныхъ на иконахъ. За службою они чинно стояли на клиросѣ, усердно крестились, кланялись, клали земные поклоны, ставили на свои деньги свѣчи. Особенно поражалъ своею искреннею преданностію вѣрѣ Христовой мальчикъ Иванъ, который

сердцемъ крѣпко полюбилъ Христа и Его вѣру и нетерпѣливо заявлялъ желаніе креститься. По желанію командира полка крещеніе китайскихъ мальчиковъ было отложено до освобожденія Артура. Со сдачей Артура школа моя разстроилась. Васька, болѣе практическій и хитрый китайченокъ, куда-то исчезъ. Иванъ заявилъ мнѣ свое желаніе не отставать отъ меня и ѣхать въ Россію. Я охотно изъявилъ на это свое согласіе. Но японцы жестоко разрушили планы бѣднаго Вани. Онъ 23 декабря отправился вмѣстѣ со мною и полкомъ изъ Артура, какъ было намъ приказано японскимъ начальствомъ. Около 5-го форта японцы дѣлали пріемъ сдавшагося гарнизона. Здѣсь мой Иванъ былъ отнятъ ими отъ полка и возвращенъ въ Артуръ, какъ не принадлежащій къ полку. Ни горькія слезы бѣднаго Вани, ни мое заступничество не могли умилостивить суровыхъ побѣдителей, и Ваня, къ своему, да и моему неописуемому горю, долженъ былъ отстать отъ меня, навѣрно навсегда. По полученнымъ мною недавно свѣдѣніямъ, китайченокъ Ваня все же не затерялся въ Артурѣ. Онъ пристроился къ 6-му полевому подвижному госпиталю и въ качествѣ брата милосердія былъ вывезенъ главнымъ врачемъ изъ Артура. Теперь онъ въ Петербургѣ и, какъ мнѣ писали, выражаетъ желаніе учиться, чтобы поступить въ монахи и сдѣлаться миссіонеромъ. Помоги ему Богъ!

Изъ требъ въ храмахъ чаще всего, конечно, приходилось совершать панихиды и отпѣванія. Почти каждое воскресенье служились и молебны о даровании побѣды надъ врагомъ. Совершалось крещеніе рождавшихся младенцевъ. Впрочемъ, были и радостныя христіанскія требы—браки. Несмотря на ужасы осады и бомбардировокъ, несмотря на близость смерти, летавшей кругомъ, человѣческая природа брала свое, и среди страховъ боевой обстановки свивала свое мирное гнѣздо въ сердцахъ людей любовь. Выходили замужъ преимущественно сестры милосердія, женились—офицеры разныхъ родовъ оружія. Послѣдняя свадьба въ осажденномъ Артурѣ была 22 декабря, наканунѣ выступленія изъ него войскъ.

Откровенно говоря, не въ однихъ бракахъ выражалось въ осажденномъ городѣ пренебреженіе къ тяжелымъ условіямъ жизни. Офицерство веселилось весьма свободно, не думая о ждущей смерти и стараясь взять отъ настоящаго все, что можно. Въ частныхъ квартирахъ, въ тѣсныхъ семейныхъ кружкахъ услаждались музыкою, пѣніемъ, бесѣдой. Но чаще въ безсемейномъ кругу офицеровъ домашнее веселье сопровождалось изрядными возліяніями Бахусу, картежной игрой. Любители сильныхъ ощущеній отправлялись въ рестораны, кафе-шантаны и др. мѣста и тамъ услаждались по своему вкусу и средствамъ.

На артурскомъ бульварѣ въ Старомъ городѣ, представлявшемъ небольшой садикъ, каждый праздничный вечеръ и по четвергамъ, играла музыка отъ сохранившихъ свои музыкантскія команды полковъ. Всегда во время музыки были и гуляющіе кавалеры,—преимущественно моряки,—и дамы.

Питаніе въ городѣ, въ самомъ началѣ осады, было вполнѣ удовлетворительное. Были сдѣланы небольшіе хотя запасы коровьяго мяса. Во всѣхъ окрестныхъ китайскихъ деревняхъ находившихся въ радіусѣ 20—28 верстъ отъ Артура, за время, пока русскія войска стояли на линіи Юпилаза—Зеленыя горы, были скуплены быки, коровы, бараны. Овощи доставляли на базаръ все лѣто китайцы. Но естественно, что на гарнизонъ въ 45 тыс. и для населенія города тысячъ съ 15—20 всѣхъ запасовъ пищи оказалось недостаточно. Къ августу мѣсяцу уже не было для войскъ свѣжаго мяса, и солдатъ начали кормить кониною. Кониною начали ѣсть и офицеры. Съ осени изсякъ въ городѣ запасъ овощей. Войска стали питаться вмѣстѣ съ кониной солониной и консервами, а овощей не стало. Отъ этого въ гарнизонѣ начала появляться цынга, которая постепенно и стала распространяться. Съ конца октября выдачу солонины, консервовъ и конины стали сокращать. Войска постепенно переходили на крупы съ водою. Отъ этого ослабленіе ихъ боевой способности пошло еще быстрѣе. У интендантства несомнѣнно были еще запасы провизіи, но ихъ припасали для будущаго, не зная, сколько еще времени придется держаться въ крѣпости.

Временами въ полки доставляли чрезъ китайцевъ рыбу—камбалу, саблю, акулъ молодыхъ; осенью добывались перепела на Ляотешанскихъ горахъ. Но вся эта добыча была настолько незначительна и такъ непостоянна, что серіознаго значенія въ питаніи гарнизона не имѣла.

Въ концѣ осады выдачу мяса солдатамъ производили по три раза въ недѣлю и то по половинной порціи. Зато имъ больше давали водки. Но водка дѣлу не помогала, и гарнизонъ, питаясь только рисомъ и водой, слабѣлъ и слабѣлъ. Цынга брала свое господство всюду.

Что касается частныхъ жителей, то ихъ положеніе было несравненно труднѣе, чѣмъ военныхъ (про моряковъ я не говорю,—у нихъ запасы всякаго продовольствія были гораздо богаче, чѣмъ въ полкахъ. Многіе офицеры-моряки такъ и не пробовали ни разу за всю осаду вкуса конины). Покупка на базарѣ продовольствія для частныхъ жителей была весьма трудна. Часто на базарѣ ничего и не было, а если и было, то продавалось по баснословной цѣнѣ. Такъ, въ концѣ осады корову продавали за 750—1000 рублей; свинью 400—500 р., поросенка 100 р., курицу—25 р., яйцо—3 р., фунтъ конины 1 р. 60 к.—2 р. Чеснокъ, бывшій въ чести какъ противоцынготное средство, продавался по 300 р. пудъ.

Въ концѣ осады всѣ перечисленные нормальные предметы потребленія были такъ рѣдки и недоступны, что случайное появленіе ихъ на столѣ составляло настоящій праздникъ. Я помню, съ какимъ восторгомъ 1 ноября за обѣдомъ у командира 1 батальона дружины по случаю молебна я поѣлъ настоящаго поросенка подъ хрѣномъ и супа изъ настоящей курицы. Всѣ товарищи по полку мнѣ искренно позавидовали. А когда въ срединѣ

ноября намъ въ офицерскую компанію достался настоящій поросенокъ (были и поддѣльные), то обѣдъ съ нимъ былъ великимъ торжествомъ для всѣхъ. Дѣлежъ сей поджаренной драгоцѣнности за столомъ былъ порученъ старшему офицеру, и всѣ внимательно слѣдили за безпристрастіемъ его ножа. А ужъ ѣли мы свои маленькія порціи этого поросенка прямо съ благоговѣніемъ!

У стрѣлковъ на почвѣ желудочныхъ интересовъ разыгрывались любопытныя сценки. Однажды, на лѣвомъ флангѣ, между русскими и японскими позиціями по лугу отправилось погулять стадо гусей, штукъ въ 6. Почтенныя пернатыя степенно гуляли, медленно подвигаясь къ русскимъ позиціямъ, гдѣ они уже, сами того не подозрѣвая, своимъ солиднымъ видомъ произвели цѣлую бурю въ наголодавшихся солдатскихъ желудкахъ. Стрѣлки ихъ ждали съ нетерпѣніемъ. Но вдругъ, они видятъ, что японцы стали бить гусей изъ винтовокъ, очевидно не желая, чтобы они попали русскимъ. Гуси переполошились и кинулись бѣжать къ морю. Тогда и русскіе открыли по нимъ пальбу. Несчастные гуляки всѣ были перебиты. Но какъ ихъ взять? Тѣла убитыхъ зорко стерегли какъ японцы, такъ и русскіе, и всякую попытку съ той и другой стороны останавливали выстрѣлами. Ночью же, предполагая другъ въ другѣ коварное намѣреніе насчетъ гусиныхъ тѣлъ, враги открыли цѣлую перестрѣлку, продолжавшуюся до утра. И все же, несмотря на огонь, явились охотники до гусей какъ изъ нашихъ, такъ и изъ японцевъ. На утро уже не было между позиціями ни одного гуся. Ихъ растащили, хотя и съ опасностью жизни. На долю русскихъ досталось 4 гуся; два, очевидно, ухитрились стянуть японцы.

Что касается денегъ, то они водились у артурцевъ. И дорогая провизія находила себѣ покупателей, и магазины торговали хорошо, и рестораны съ др. увеселительными мѣстами тоже не жаловались на застой дѣлъ. Недоставало лишь въ Артурѣ денежныхъ знаковъ. Къ сентябрю мѣсяцу въ полкахъ и корпусномъ казначействѣ истощились наличныя деньги. Жалованье офицерамъ выдавать стало нечѣмъ. (Солдатамъ продолжали выдавать деньгами). Устраняя эту бѣду, въ полкахъ, по распоряженію начальства, стали выдавать офицерамъ взамѣнъ наличныхъ денегъ синенькія квитанціи (стессельскія кредитки). Генералъ-адъютантъ Стессель распорядился, чтобы русскіе торговцы ихъ принимали и размѣнивали. Но почему то эти квитанціи въ ходъ не пошли. Тогда пришелъ на помощь въ денежной бѣдѣ Русско-Китайскій Банкъ. Онъ, къ великой его чести сказать, не прекращалъ своихъ операцій до самаго послѣдняго дня жизни русскаго Артура, не страшась непріятельскихъ бомбъ. Когда зданіе банка было разрушено снарядами, онъ переселился въ подвалъ-блиндажъ и тамъ работалъ.

У Банка имѣлись вклады отъ всѣхъ полковъ, бывшихъ въ Артурѣ, но наличныхъ денегъ тоже не было. По его наученію, полки стали выдавать жалованье чеками Банка. Эти чеки (на самыя разнообразныя суммы—5 р., 10 р., 50 р., 100 и т. д.) Банкъ

по предъявленіи акцептовалъ, и они ходили въ городѣ какъ деньги. Ихъ всѣ торговцы принимали. Такъ съ этими чеками вмѣсто денегъ многіе и уѣхали изъ Артура. Въ Шанхаѣ отдѣленіе Русско-Китайскаго Банка ихъ охотно принимало и мѣняло на наличныя деньги.

VI.

Бомбардировки города.

Іюля 13—15 1904 г. происходило сраженіе на Зеленыхъ горахъ, послѣ котораго русскіе отступили къ Волчьимъ горамъ. 17 іюля утромъ, неожиданно, подобравшись къ намъ чрезъ Гаолянъ японцы отбросили насъ отъ Волчьихъ горъ. Войска расположились на линіи укрѣпленій Портъ-Артура. Съ того же числа начали пострѣливать крѣпостныя пушки, сначала на правомъ флангѣ и рѣдко, а затѣмъ чаще и по всему фронту. Началась тѣсная осада крѣпости. Съ недѣлю устраивались японцы на своихъ новыхъ позиціяхъ и 25 іюля сдѣлали первый салютъ городу изъ новопоставленныхъ орудій. 25 іюля, въ воскресенье, въ городѣ былъ устроенъ крестный ходъ кругомъ, съ моленіемъ о спасеніи города. Крестный ходъ, выступивъ послѣ обѣдни изъ Отрядной церкви прошелъ къ порту, гдѣ на площади совершенъ былъ молебенъ. По окончаніи его ходъ, въ сопровожденіи многотысячной толпы богомольцевъ, прошелъ на площадь Стараго города. Только началось здѣсь молебствіе, какъ раздался какой-то особенно звонкій японскій выстрѣлъ и свистъ приближающагося снаряда. Снарядъ, пролетѣвъ надъ богомольцами, палъ весьма близко возлѣ мѣста перваго молебна и разорвался, выбивъ стекла въ ближайшихъ домахъ. Это было въ 11 часовъ утра. Большинство богомольцевъ, не привычные еще къ выстрѣламъ, не разобрали, въ чемъ дѣло. Но минутъ чрезъ пять раздался вновь выстрѣлъ и свистъ. Снарядъ упалъ опять около набережной и смертельно ранилъ городового. Звукъ разрыва яснѣе донесся до богомольцевъ. Кое-кто сообразилъ, въ чемъ дѣло, и началъ уходить съ молебна. Но молебенъ все же удалось безъ замѣшательства окончить, и народъ, сопровождавшій иконы, быстро разошелся по домамъ.

Эта первая бомбардировка произвела сильную панику въ городскомъ населеніи. Жители Артура прямо потерялись, не знали, куда бѣжать, какъ спасаться отъ снарядовъ, которые чрезъ правильные промежутки продолжали зловѣще свистать надъ городомъ и съ страшнымъ трескомъ разрываться то тамъ, то здѣсь. Улицы опустѣли; и русскіе, и китайцы разбѣжались; магазины закрылись. Бомбардировка продолжалась до вечера. Снаряды падали преимущественно близъ порта. Они разрушили нѣсколько

зданій и причинили пораненія 5—6 прохожимъ. На другой день съ 10 часовъ утра, опять начался такой же щемящій сердце и гнетущій душу вой снарядовъ надъ несчастнымъ городомъ. На этотъ разъ японцамъ посчастливило: они зажгли бакъ масла подъ Золотой горой, который долго и сильно горѣлъ, покрывая густой пеленой дыма горизонтъ.

И такъ пошло каждый день. Иногда японцы, отдыхая днемъ не давали покоя жителямъ Артура ночью. Часовъ съ 10—11 ночи, а иногда и въ 2—3 часа утра вдругъ начинался свистъ снарядовъ надъ городомъ и грохотъ разрывовъ въ разныхъ его частяхъ. Понятно, всякій сонъ бѣжалъ съ глазъ. Настойчиво хотѣлось слѣдить за каждымъ снарядомъ и видѣть мѣсто, гдѣ онъ падетъ. Послѣ каждаго звука отъ выстрѣла сжималось сердце въ предположеніи, что снарядъ назначенъ именно намъ. Ухо жадно ловило приближающійся свистъ снаряда и, по его звуку, опредѣляло, близко или далеко падетъ губительный гостинецъ.

Многіе жители не могли выдержать такого ежечаснаго ожиданія смерти и постарались убѣжать изъ Артура. Нанявъ китайскія шаланды, они отправились въ Чифу. Но большинство бѣжавшихъ было поймано японскими судами, блокировавшими крѣпость, и они, на своихъ шаландахъ, только безъ мачтъ и парусовъ, быливозвращены японцами въ Артуръ.

Съ первой же бомбардировки города жители стали заботиться о сохраненіи своей жизни отъ японскаго огня. Они дѣлали себѣ блиндажи; переселялись на житье въ подвалы и другія болѣе или менѣе защищенныя мѣста. Около квартиръ 15-го полка образовался цѣлый поселокъ въ такъ называемой трубѣ. Это была водопроводная труба, устроенная изъ камня на манеръ желѣзнодорожной. Высотою она была въ 1 сажень, шириной аршина 4 и длиной аршинъ 80. Труба была проложена подъ земляною насыпью, соединявшей отдѣленные глубокимъ оврагомъ офицерскіе флигеля съ проѣзжею дорогою. Толщина посыпанной сверху трубы земли была не менѣе 5—6 саженъ, что вполнѣ гарантировало трубу отъ всякихъ снарядовъ. И вотъ, послѣ первой же бомбардировки, въ трубѣ появились жители. Туда ушли по большей части женщины съ дѣтьми изъ окрестныхъ домовъ; но были и мужчины, поддавшіеся страху. Переселенцы подѣлили трубу на участки, причемъ на долю семьи доставалось аршина по два пространства. Свои владѣнія каждая семья отдѣлила отъ сосѣдей развѣшанными одѣялами или простынями. Жители нанесли туда мебели или понадѣлами подобіе наръ для спанья. Была натащена всякая посуда, начиная съ самоваровъ и кончая корытами. И вотъ пустая дотолѣ труба ожила. Съ ранняго утра тамъ была видна самая оживленная дѣятельность, продолжавшаяся до сумерокъ. Пищали дѣти, ставились самовары, варилась пища, стиралось бѣлье. Одинъ, сѣверный входъ въ трубу (къ японцамъ) былъ заложенъ мѣшками съ землей, и ходъ въ трубу былъ только съ одной стороны, южной, гдѣ, въ оврагѣ, всегда и толпилось много разнообразной публики.

Съ 25 іюля труба жила своей оргинальной жизнью вплоть до сдачи Артура. Спасавшихся въ ней поселенцевъ не могли выжить оттуда ни ужасные ливни, послѣ которыхъ въ трубѣ по колѣно текла вода, ни холода съ вѣтрами, наступившіе съ ноября мѣсяца. Трубные жители нимало не унывали, получая такіе сюрпризы природы. Чувствуя себя хорошо защищенными отъ убійственнаго японскаго огня, они мирились съ прочими неудобствами и жили въ своей трубѣ весело. Порой веселье въ трубѣ достигало даже такихъ размѣровъ, что доставляло 15-му полку порядочныя безпокойства. Дѣло въ томъ, что, спасая свою жизнь, переселилось въ трубу нѣсколько женщинъ легкаго поведенія. Къ нимъ стали являться ихъ обычные „гости“, и вотъ въ трубѣ начались безобразія: появилось пьянство, поднялись скандалы. Офицерамъ 15 полка, въ районѣ коего была труба, не разъ приходилось туда спускаться и водворять порядки. Наконецъ, тамъ былъ поставленъ „трубный комендантъ“ изъ отставныхъ чиновниковъ, человѣкъ почтеннаго возраста. Онъ былъ облеченъ большими полномочіями надъ трубными жителями и сумѣлъ водворить въ трубѣ нѣкоторый порядокъ. Трубные жители достаточно присмирѣли.

Начиная съ 25 іюля бомбардировка города продолжалась почти цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Сначала летали въ городъ снаряды шестидюймовые; потомъ, послѣ приближенія японцевъ къ крѣпости, городъ стали засыпать и снарядами изъ полевыхъ орудій. Съ конца сентября мѣсяца надъ городомъ, сверхъ всѣхъ прежнихъ, начали шипѣть ужасные одиннадцати-дюймовые снаряды. Преимущественной цѣлью бомбардировокъ японскихъ были склады провіантскіе и военные, арсеналы и портъ, въ которомъ японцы добирались до судовъ. Иногда японцамъ удавалось стрѣлять очень удачно. Раза два они зажигали патронные и снарядные склады. Много разъ они производили въ городѣ пожары домовъ и фанзъ. Попадали въ суда. Но пока не была взята Высокая гора, по судамъ японцы стрѣляли на угадъ, и пораженія ихъ были слабыя. Совсѣмъ другой оборотъ приняли бомбардировки Артура, когда взята была Высокая. Тогда японцы разили на выборъ все, что желали. Они быстро потопили суда; обстрѣляли съ успѣхомъ береговыя батареи Золотой горы, Плоскаго мыса; разбили зданія, какія имъ только пожелалось. Злобясь на длинную и тяжелую осаду, японцы не щадили города и били по нему во всѣхъ направленіяхъ. Не было уголка въ городѣ, куда бы не залетали снаряды японцевъ. Въ Старомъ городѣ цѣлыя улицы были ими разрушены. Отъ домовъ часто оставалась только одна какая нибудь стѣна и куча обломковъ.

Вотъ какъ описываетъ одна особа впечатлѣніе отъ бомбардировки зданія, въ которомъ она находилась. Особа, — Е. И. Р., была библіотекаршей городской библіотеки, помѣщавшейся въ старомъ городѣ, по Пушкинской ул. Къ 20 октября вся эта улица, состоявшая изъ фанзъ, въ которыхъ была редакція, типографія и книжный магазинъ „Новаго Края“, была приведена бомбардиров-

ками въ окончательныя развалины. Цѣлъ оставался только домикъ съ библіотекою. За нимъ опять шли дома, разрушенные снарядами и пожаромъ. 20 октября г-жа Р. получила изъ городского управленія распоряженіе перевезть библіотеку въ Новый городъ. 21-го числа она съ возчикомъ стала укладывать книги въ ящики и сдавать возчику. Уже одинъ возъ былъ отправленъ. Лишь только г-жа Р., проводивъ возчика, взошла въ зданіе библіотеки (въ коридоръ), какъ услыхала въ залѣ страшный грохотъ. Взглянувъ въ дверь, она прежде всего была поражена тѣмъ, что потолка и крыши зданія уже не было на пространствѣ двухъ квадратныхъ аршинъ. Въ комнатѣ все летѣло въ разныя стороны и стояла непроглядная бѣлая пыль. Страшно напуганная г-жа Р. обратила въ этотъ моментъ вниманіе на то, что уложенные ею ящики разбиты и книги разлетѣлись по всей комнатѣ въ самомъ растрепанномъ видѣ. Нѣкоторыя книги тлѣли. Не зная отъ испуга, что дѣлать, библіотекарша зашла въ кухню и стала собираться съ мыслями. Ей и въ голову не приходило, что за первымъ снарядомъ можетъ вскорѣ явиться и второй. Не успѣла г-жа Р. какъ слѣдуетъ оправиться отъ испуга, какъ второй снарядъ влетаетъ въ маленькій кабинетъ, бывшій рядомъ съ кухней, гдѣ и рвется, все разрушая. Перегородки, отдѣлявшія кабинетикъ отъ коридора и кухни, съ громомъ падаютъ, едва не задавивъ собою библіотекаршу. Страшно оглушенная и окончательно обезумѣвшая, блѣдная и дрожащая, г-жа Р. могла только выйти изъ разрушенной комнаты въ коридоръ, прошла послѣдній до выходной двери и здѣсь остановилась, окончательно обезсилѣвъ. Выйти изъ дома она уже не имѣла силъ; она безпомощно стояла, прислонясь къ косяку, ни очемъ не думая и не соображая. Тутъ г-жу Р. увидалъ проходившій знакомый, который крикнулъ ей, чтобы она уходила изъ дома какъ можно скорѣе и дальше. Но несчастная женщина не могла даже ничего отвѣтить знакомому: ужасъ сковалъ ей языкъ и губы, какъ она говорила послѣ, ея совершенно не слушались. Увидавъ состояніе г-жи Р. знакомый попросту взялъ ее въ охапку и унесъ отъ зданія; потомъ онъ посадилъ ее на извозчика и доставилъ ее на ея квартиру. Тамъ г-жа Р. мало-по-малу пришла въ себя и могла разсказать, что она испытала...—Между тѣмъ въ зданіе продолжали падать снаряды, которые и разрушили его, уничтоживъ всю библіотеку.

Много было разрушено зданій и въ Новомъ русскомъ городѣ. Не щадили японцы во время бомбардировокъ и госпиталей. Снаряды ихъ поражали зданія Краснаго Креста (по счастію, ни разу не попадали въ зданіе, гдѣ были больные). Пострадалъ отъ снарядовъ Сводный госпиталь въ Старомъ городѣ. Тамъ были убитые и раненые японскими снарядами. Въ Новомъ городѣ были разбиты госпитали №№ 9, 10 и 6 запасный. Особенно жестоко раздѣлали своими 11-тидюймовками японцы запасный госпиталь № 6. Верхній этажъ зданія былъ тамъ весь разрушенъ; потолокъ проваленъ. При этой бомбардировкѣ, происходившей въ

концѣ ноября, былъ раненъ докторъ и сестра; было ранено человѣкъ 10 больныхъ. Большинство больныхъ были спасены тѣмъ, что оставили госпиталь. При этомъ тяжело раненыхъ выносили на площадь и потомъ ночью развозили по госпиталямъ.

Разрушая дома и производя пожары, японскіе снаряды губили и людей. Было много случаевъ убійства и раненія отъ снарядовъ людей, ходившихъ по улицамъ или бывшихъ въ домахъ. Страдали отъ нихъ не только военные, но и частные жители, и женщины, и дѣти. Сильно страдали и китайцы. Разсказываютъ, что, въ половинѣ октября, снарядъ, ворвавшійся въ фанзу, гдѣ квартировалъ рабочій, убилъ во время обѣда жену и двоихъ дѣтей. Много рабочихъ пострадало во время работъ въ порту, куда весьма часто и настойчиво посылали японцы свои снаряды. Было въ Артурѣ одно особенно «убойное» мѣсто, — это проѣздъ изъ Стараго въ Новый городъ, узкое мѣсто между горой Перепелиной и бухтой. Къ берегу возлѣ этого мѣста были подведены нѣкоторые броненосцы. Здѣсь ихъ отчасти скрывала отъ японскихъ наблюденій гора Перепелка, почему стоять было безопаснѣе, чѣмъ на рединѣ рейда. Японцы знали, куда были поставлены суда и почти ежедневно обстрѣливали это мѣсто. Снаряды ихъ часто ложились не въ бухту, а именно на дорогу, ведшую въ Новый городъ. И много они причинили здѣсь бѣдъ! Для сообщенія съ новымъ городомъ этотъ узкій путь былъ главнѣйшій и удобнѣйшій; движеніе на немъ было самое оживленное и днемъ и ночью. Поэтому бросаемые сюда снаряды весьма часто губили проходившихъ и проѣзжавшихъ здѣсь людей и лошадей своими осколками.

Съ августа мѣсяца къ бѣдамъ отъ снарядовъ присоединилась въ Артурѣ бѣда отъ пуль. Японцы въ августѣ подошли подъ самыя укрѣпленія восточнаго и сѣвернаго фронта. Во время ихъ ружейной стрѣльбы по нашимъ позиціямъ всѣ перелеты стали падать въ городъ. Днемъ еще мало летало по городу пуль. Ночью же стрѣльба на позиціяхъ всегда усиливалась, а цѣлить было труднѣе и отъ этого множество пуль летѣло въ городъ. Еще болѣе усиливалось паденіе пуль въ городъ во время штурмовъ. Пули падали по всему городу, всюду, разбивали окна, пролетали въ комнаты, вонзались въ стѣны и усыпали дворы. На террасѣ своей квартиры я каждое утро находилъ свѣжія японскія пульки, штукъ по 5. Они же въ разныхъ положеніяхъ изукрасили стѣнки и полъ моей террасы, засѣли даже въ дверяхъ, ведшихъ съ террасы въ комнату. Ежедневно собирая на своемъ дворѣ падавшія пули, я за время 4-хъ мѣсяцевъ накопилъ ихъ до 1500 штукъ. Причиняли эти пули и пораженія. На дворѣ моей квартиры были ранены лошадь и два стрѣлка. У казармъ 15 полка, которыя въ концѣ осады занимали моряки, было убито человѣка 4—5 наповалъ такими шальными пулями. Было много пораженій людей японскими пулями и въ другихъ частяхъ города. Много побили пули полковыхъ и извозчичьихъ лошадей.

Тяжелое зрѣлище въ концѣ осады представлялъ собою Портъ-

Артуръ, благодаря всѣмъ этимъ напастямъ, отъ японцевъ—снарядамъ и пулямъ. Нѣкоторыя улицы были разрушены такъ, что не было ни одного цѣлаго зданія. Въ другихъ улицахъ зданія, хотя и уцѣлѣли, но стояли съ громадными пробоинами, зіявшими или на крышахъ, или въ стѣнахъ. Большинство домовъ города было безъ стеколъ. Оконнаго стекла не было и во всемъ городѣ. Разбитыя окна въ домахъ были задѣланы деревомъ, желѣзомъ, или китайскою бумагою. Было много помѣщеній, въ которыхъ не было ни одного цѣлаго стекла; всѣ окна были забиты, и мракъ царилъ по всему дому. И при такихъ условіяхъ все же приходилось въ этихъ домахъ жить и даже проводить зиму. Въ ноябрѣ и декабрѣ холодъ въ Артурѣ достигалъ 10 градусовъ, а при сѣверныхъ вѣтрахъ былъ и сильнѣе. Между тѣмъ, нѣкоторые дома было невозможно никакъ нагрѣвать отопленіемъ, а въ нѣкоторыхъ не было совершенно и печей.

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, при такой смертоубійственной обстановкѣ, приходилось артурцамъ жить цѣлыми мѣсяцами. И жили, и даже—трудно повѣрить—привыкли такимъ необычайнымъ условіямъ. Большинство изъ насъ привыкло къ всѣмъ опасностямъ и среди падающихъ снарядовъ и пуль чувствовало себя совершенно спокойно. Никуда мы не прятались, жили въ своихъ квартирахъ, спали на постеляхъ, пили, ѣли, какъ обыкновенно, ходили и ѣздили по дѣламъ въ городъ, на позиціи. Когда свободно, подъ вечерокъ ходили гулять или сидѣли мирно на террасахъ, проводя время въ пріятной и веселой бесѣдѣ, визитировали... Мы даже такъ свыклись со своей оригинальной обстановкой, что когда во время переговоровъ о сдачѣ цѣлый день (въ первый разъ) не было пальбы, многіе чувствовали себя не въ своей тарелкѣ, какъ рыба безъ воды. Къ чему не привыкаетъ человѣкъ!

VII.

Госпитали.

Госпиталей въ Портъ-Артурѣ во время осады было около 15. Изъ нихъ два отъ Краснаго Креста, остальные—военнаго вѣдомства. Два изъ послѣднихъ—5-й полевой подвижной и 11-й были назначены специально для заразныхъ больныхъ и помѣщались въ отдаленіи отъ города—на Тигровкѣ. Прочіе были разбросаны по Старому и Новому городу. Только три изъ госпиталей—Маріинской общины Краснаго Креста, сводный № 8 помѣщались въ спеціальныхъ зданіяхъ. Остальные занимали городскіе дома, гостиницы, училища и частныя квартиры. Въ Новомъ Китайскомъ городѣ былъ частный небольшой госпиталь.

Врачами госпитали были небогаты. Въ среднемъ на каждый госпиталь приходилось по 4 врача. Такое число было чрезвычайно мало въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ больныхъ, какое лежало въ каждомъ госпиталѣ. Это количество въ госпиталяхъ постоянно колебалось, но всегда оно было выше нормы, положенной для каждаго госпиталя. Послѣ штурмовыхъ дней число больныхъ въ госпиталяхъ сразу повышалось, иногда вдвое, втрое противъ прежняго. Госпитали сразу заполнялись до чрезмѣрности; больные, не умѣщаясь на кроватяхъ, лежали на полу, въ коридорахъ... Если же двѣ-три на позиціяхъ было спокойно, госпитали чувствовали себя лучше: раненые выздоравливали, выписывались, и число больныхъ сокращалось. Но въ общемъ врачи въ артурскихъ госпиталяхъ были всегда завалены работой. На каждаго врача въ среднемъ приходилось не менѣе 200 больныхъ.

Кромѣ врачей въ госпиталяхъ были и фельдшера; въ нихъ тоже чувствовался недостатокъ. Въ каждомъ госпиталѣ для помощи врачамъ были еще сестры милосердія, и по преимуществу добровольныя, потому что штатныхъ было ограниченное число.

Всему медицинскому персоналу работы было довольно. Если кому изъ артурскихъ сидѣльцевъ не было ни отдыху, ни сроку въ работѣ, и работѣ самой серіозной, то это именно врачамъ, фельдшерамъ и сестрамъ. Они, можно безъ преувеличенія сказать, день и ночь были заняты своимъ святымъ и неотложнымъ дѣломъ помощи раненымъ. Какія тяжелыя формы раненій приходилось имъ залечивать! Какимъ терпѣніемъ должны были они обладать, будучи свидѣтелями массы самыхъ мучительныхъ человѣческихъ страданій! И нужно отдать полную справедливость всему медицинскому персоналу артурскихъ госпиталей въ томъ, что онъ самоотверженно исполнялъ свои тяжелыя обязанности.

При оцѣнкѣ труда медицинскаго персонала въ Артурѣ нужно еще имѣть въ виду и самыя условія его работы. Сначала условія эти были хороши. Въ госпиталяхъ было вполнѣ достаточно

всякаго рода медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ. Имѣлся у нихъ и достаточный запасъ хорошихъ, питательныхъ пищевыхъ продуктовъ. Раненые поступили съ крѣпкими силами, неистощенные. И работа врачей имѣла хорошій успѣхъ. Раненые быстро поправлялись и скоро выходили изъ госпиталей. Особенно хорошо лечились пулевыя раны. Большею частію сквозныя, чистенькія, съ маленькими отверстіями входа и выхода, раны эти заживали безъ осложненій и весьма быстро. Люди съ сквозными пулевыми ранами въ грудь выздоравливали въ двѣ недѣли и настолько оправлялись, что возвращались въ строй. Съ такими ранеными было пріятно дѣло имѣть. Но съ половины осады условія работы врачей стали значительно мѣняться къ худшему. Къ нимъ стали поступать раненые уже съ истощенными организмами, отчего ихъ раны стали требовать болѣе продолжительнаго леченія и болѣе тщательнаго ухода. Нуждались раненые и въ наилучшей питательной пищѣ, но такой госпитали уже дать имъ не могли, ибо и сами не имѣли. Леченіе затягивалось. Къ этому же времени и медикаменты съ перевязочными средствами въ госпиталяхъ истощались уже. А къ концу осады ихъ и не стало. Вмѣсто ваты тогда приходилось употреблять пеньку, вмѣсто бинтовъ — мытое старое солдатское бѣлье. Отъ этихъ причинъ врачамъ приходилось вдвое болѣе, чѣмъ прежде работать надъ каждымъ больнымъ. А больныхъ все прибывало и прибывало; прежніе же такъ скоро не выходили. И вотъ, въ концѣ осады врачи оказались прямо въ критическомъ положеніи. Они не успѣвали положительно исполнять всю накопившуюся работу; да и работа ихъ оказывалась гораздо менѣе плодотворна, чѣмъ прежде. Питаніе больныхъ врачамъ тоже не помогало. Пища, предлагаемая раненымъ, была плоха и не питательна.

Бороться съ такими обстоятельствами было не въ силахъ врачей. Они лишь мучились душевно, глядя на все это, и работали, пока доставало ихъ силъ.

Много работы задавали въ концѣ осады два госпиталя съ заразными болѣзнями. Тамъ лежали дизентерики, больные тифомъ и цынготные. Въ каждомъ было болѣе 1000 больныхъ. Съ конца ноября ежедневно умирали въ этихъ госпиталяхъ человѣкъ по 15-20 больныхъ.—Въ послѣднее время особенно было много больныхъ цынгой. Изнуренный продолжительной осадой и недоѣданіемъ гарнизонъ легко поддавался дѣйствію болѣзни, и она начала дѣлаться прямо повальною. Госпитали не могли вмѣстить всѣхъ больныхъ цынгою. Многіе цынготные лежали въ полковыхъ околоткахъ, которые насчитывали своихъ паціентовъ сотнями. Было много заразныхъ цынгой на позиціяхъ, хотя они едва бродили и кое-какъ лишь могли держать ружье. Мнѣ случалось видѣть на позиціяхъ цѣлыя роты (чел. въ 60—80) такого цынготнаго воинства. Видъ ихъ былъ самый плачевный: тусклые глаза, апатичный видъ, вялыя движенія, ходили они едва шевеля ногами, на горки едва-едва могли взбираться. Держать

ружье и стрѣлять они еще могли, но биться на штыки они рѣшительно были уже не въ состояніи. Цынготные на позиціяхъ лечились амбулаторно въ перевязочныхъ пунктахъ. Имъ давали по бутылкѣ черная пива завода Ноюкса въ день.

При нѣсколькихъ госпиталяхъ были священники и храмы, въ которыхъ регулярно совершались богослуженія. Свои трудныя обязанности священники несли съ полнымъ самоотверженіемъ. Особенно тяжелою, но въ то же время и часто случавшеюся обязанностью было провожаніе умершихъ воиновъ на кладбище, которое находилось подъ Ляотешаномъ и отъ Портъ-Артура отстояло на 12 верстъ. Въ зной и пыль, въ холодъ и вѣтеръ, въ дождь и снѣгъ шли отцы пѣшкомъ на кладбище, предводительствуя печальнымъ кортежемъ двуколокъ, которыхъ бывало порой по 20 и болѣе въ разъ, и въ каждой изъ которыхъ лежало по два, а то и по три зашитыхъ въ черный коленкоръ покойниковъ. Музыки и командъ при похоронахъ не полагалось,—не было музыкантовъ и свободныхъ солдатъ. Даже и офицеровъ многихъ провожали безъ этихъ воинскихъ почестей. Обратно батюшкѣ приходилось часто трястись всѣ 12 верстъ въ солдатской друколкѣ,—самомъ неудобномъ для ѣзды людей экипажѣ, какой не придумаешь и нарочно. Къ этимъ неудобствамъ присоединялись иногда непріятныя осложненія на кладбищѣ. Со мной былъ такой непріятный случай.

10-го августа, въ 10 час. утра, я съ офицеромъ своего полка Г. Л. Карбаиновымъ и церковникомъ прибылъ въ Сводный госпиталь, чтобы отпѣть и проводить на кладбище убитаго офицера 15 полка Лашкевича. Въ мертвецкихъ госпиталя убитыхъ оказалось много: лежалъ подполковникъ 25 полка и человѣкъ 40 солдатъ. Покойники лежали частію въ мертвецкихъ, частію были уже сложены на двуколки. Смотритель госпиталя попросилъ меня отпѣть и проводить на кладбище всѣхъ покойниковъ. О томъ же просилъ меня и батюшка 25 полка, прибывшій на отпѣваніе подполковника. Я согласился. Въ виду того, что покойники были расположены въ разныхъ мѣстахъ и отпѣвать ихъ всѣхъ вмѣстѣ около мертвецкихъ было неудобно, мы рѣшили отпѣваніе совершить на кладбищѣ, почему распорядились сложить всѣхъ покойниковъ на лошадей. Это и было сдѣлано. Офицеры въ гробахъ были уложены каждый на отдѣльную двуколку; солдаты, зашитые въ черные коленкоровые мѣшки, по 2 и по 3 на остальныя двуколки. Составилась процессія изъ 20 двуколокъ, предводительствуя которой съ крестомъ въ рукѣ, я и отправился на кладбище. Сводный госпиталь находился въ Старомъ городѣ и кладбище отъ него отстояло верстъ на 15. День былъ невыносимо жаркій. Нашъ кортежъ медленно прошелъ почти по всему Старому городу, затѣмъ по Новому Русскому и потомъ пошелъ по пустынному берегу западнаго бассейна. Достигли мы кладбища часа черезъ три. Прибывъ туда, я распорядился выстроить всѣ двуколки въ два ряда и началъ отпѣваніе. Во время отпѣванія, нечаянно взглянувъ на покойниковъ, я былъ ужасно по-

раженъ ихъ видомъ. Отъ сильнаго жара, какой былъ въ тотъ день, покойники распухли, порвали свои коленкоровые мѣшки и полѣзли наружу. Изъ двуколокъ выставлялись ужасно толстыя руки, распухшіе громадные животы, бревноподобныя ноги... Морозъ шелъ по кожѣ отъ одного вида этой ужасной картины. Тяжелое впечатлѣніе усугублялъ сильный трупный запахъ, распространявшійся отъ тѣлъ. Окончивъ отпѣваніе, я распорядился хоронить покойниковъ. Стали искать могилу, по словамъ смотрителя госпиталя, уже приготовленную китайцами. Но таковой не оказалось. Были готовы нѣсколько маленькихъ могилъ для офицеровъ—и только. Въ эти могилы мы положили привезенныхъ офицеровъ и закопали. Для 40-ка же нижнихъ чиновъ могилы не было. Положеніе наше становилось прямо ужаснымъ. Куда дѣть покойниковъ? Отъ жара они расползались все болѣе и болѣе, зловоніе усиливалось. Ждать обѣщанныхъ китайцевъ—весьма было рискованно; но и сложить тѣла не зарытыми—было тоже невозможно. Подпор. Карбаиновъ отправился на сосѣднюю батарею морского фронта (версты за 2), гдѣ имѣлся телефонъ, чтобы переговорить съ комендантомъ города о нашемъ затруднительномъ положеніи. Возвратившись черезъ часъ, онъ сообщилъ, что въ управленіи коменданта ему посовѣтовали „какъ-нибудь“ устроиться съ покойниками, а помощи никакой не оказали. На батареѣ же обѣщали дать десятокъ лопатъ для рытья могилы. Поэтому, мы рѣшили при себѣ заставить возчиковъ-солдатъ, бывшихъ при двуколкахъ (по одному на каждую), рыть большую могилу для привезенныхъ тѣлъ. Такъ и сдѣлали. Обозные сходили за лопатами и начали рыть могилу. Часа 2 прошло въ копаніи ямы, которую углублять далеко оказалось невозможно: на полутора аршинахъ глубины уже проступало много воды (кладбище было въ низкой мѣстности). На этой глубинѣ пришлось остановиться. Рѣшили схоронить въ приготовленной могилѣ только часть привезенныхъ. Но ихъ еще нужно было сложить туда, а солдатики видимо мнутся: имъ претитъ и духъ отъ покойниковъ, а пуще того ужасный, неестественный видъ пугаетъ... Пришлось уговаривать заробѣвшихъ солдатъ, убѣждая, что быть можетъ и мы недалеки отъ такого же положенія, когда намъ потребуется послѣдняя услуга нашихъ товарищей. Потоптавшись и поуговаривая другъ друга, взялись. Человѣка 4 спустились въ вырытую яму, остальные стали носить покойниковъ. Прямо ужасную картину представляло это погребеніе голыхъ почти тѣлъ, увеличившихся отъ жару до невообразимыхъ размѣровъ и зловонныхъ... Неописуемъ видъ могилы со сложенными въ ней рядами покойниковъ, голые члены которыхъ, страшные по громадности, поднимались и топорщились въ разныя стороны... Но солдатики превозмогли свое естественное чувство отвращенія и уложили въ эту могилу въ два ряда покойниковъ 25. Для оставшихся тѣлъ была расширена готовая уже могила, предназначенная для другого госпиталя, гдѣ они и были уложены.

Дождавшись того, какъ могилы были совершенно засыпаны, мы съ подпор. Карбаиновымъ отправились домой. Возвратились мы часовъ въ 6, страшно утомленные и морально и физически. Въ тотъ день я уже не обѣдалъ,—аппетита не было.

VIII.

Моральное состояніе осажденныхъ. Слухи и ожиданія освобожденія.

Тягость жизни въ осажденномъ городѣ давала себя чувствовать всѣмъ и вліяла на жителей. Прежде всего дѣйствовала на состояніе ихъ духа постоянная опасность смерти. Первое время этотъ страхъ смерти отъ летавшихъ снарядовъ и пуль былъ ужасно тяжелъ и мучителенъ. Появляясь какъ-то инстинктивно при первомъ поводѣ, страхъ давилъ душу и заставлялъ бѣжать, искать убѣжища, и никакіе доводы разсудка, что всѣ мѣста одинаково опасны, не вліяли на это какое-то животное чувство самосохраненія. Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ привычки страхъ смерти отъ опасности мало-по-малу сталъ умаляться и пропадать, уступая мѣсто равнодушію. Многіе и совершенно успѣли побороть его въ себѣ.

Затѣмъ мучила и томила душу отрѣзанность отъ всего міра, особенно отъ родныхъ и близкихъ. И съ этимъ обстоятельствомъ также приходилось бороться и къ нему привыкать, какъ къ снарядамъ и пулямъ. Это доставалось уже съ трудомъ. Правда, были нѣкоторыя уравновѣшенныя натуры, спокойно къ этому относившіяся, но большинство не могло помириться съ отрѣзанностью отъ міра и тяготилось ею ужасно до самаго конца осады. Эта замкнутость въ узкомъ кольцѣ и полная невозможность сношеній съ міромъ и близкими, тяготила многихъ гораздо болѣе, чѣмъ опасность отъ снарядовъ и пуль.

Вмѣстѣ съ отрѣзанностію томила еще каждаго неизвѣстность будущаго. Быть раненымъ, умереть каждый изъ насъ уже былъ готовъ. Но ждать этого со дня на день и съ часу на часъ было мучительно. Еще мучительнѣе было жить не зная, что съ нами будетъ, переходить отъ радостной надежды къ мучительному разочарованію, предполагать всевозможныя мученія голода, ужасы взятія Артура японцами.

Отъ такого состоянія постоянной опасности, отрѣзанности и мучительной неизвѣстности всѣ—и офицеры, и солдаты, и частные жители изнервничались, сдѣлались раздражительными и мнительными. Въ легкой степени этимъ страдали, можно сказать, положительно всѣ. Но у нѣкоторыхъ были даже явные признаки

нервнаго разстройства. И страдали этимъ въ одинаковой мѣрѣ какъ офицеры, такъ и солдаты *). Въ средѣ офицеровъ были даже случаи самоубійства отъ неспособности вынесть тягость осаднаго положенія. Единственное, что спасало осажденныхъ отъ полнаго унынія и отчаянія—это надежда на скорое освобожденіе. Мы жили и питались этой надеждой и благодаря ей только уцѣлѣли.

Когда насъ отрѣзали, мы шутили и подсмѣивались надъ страхами иныхъ малодушныхъ. Мы говорили:

— Ну, пусть себѣ потѣшатся япошки! И мѣсяца не пройдетъ, какъ генералъ Куропаткинъ, собравъ силы, выгонитъ ихъ всѣхъ съ Ляодуна и Квантуна!

Послѣ того, какъ мы узнали о пораженіи ген. Штакельберга, мы сильно взгрустнули: это пораженіе оттягивало наше освобожденіе, но казалось намъ, что эта отсрочка не далѣе, какъ на мѣсяцъ. Мы были увѣрены, что ген. Куропаткинъ насъ не броситъ, что онъ поспѣшитъ насъ выручить, и этой увѣренностью жили, въ ней находили силу отражать японцевъ. На почвѣ этихъ ежечасныхъ, можно сказать, ожиданій освобожденія у насъ создавалось множество слуховъ о грядущей помощи. Я приведу нѣкоторые такіе слухи, циркулировавшіе въ городѣ такъ, какъ они были записаны въ моемъ дневникѣ. Эти выписки (особ. первая) дадутъ также и характеристику моральнаго состоянія артурскихъ сидѣльцевъ.

„9 августа, 10 ч. утра. Ночью сегодня ждали рѣшительнаго штурма со стороны японцевъ, но повидимому такого не было. Ночь была прекрасная, лунная, съ 9 до 11 час. вечера было даже затишье, какъ будто и войны вовсе нѣтъ. Я хорошо уснулъ. Когда проснулся, то была уже пальба. Выйдя на террасу, я увидалъ, что дѣло идетъ въ центрѣ нашихъ позицій и на правомъ флангѣ. Была сильная пальба изъ пушекъ и ружейная перестрѣлка. Я опять легъ спать и слышалъ, какъ въ стѣну моей квартиры и по дереву террасы щелкали пули. Выглянувъ на террасу, я слышалъ и тонкое пѣніе ихъ. Утромъ я поднялъ пульку ружейную подъ столомъ на террасѣ; двѣ засѣли въ деревянную перегородку ея. На террасахъ другихъ квартиръ я нашелъ до 5 шрапнельныхъ пулекъ. Бомбардировки по городу ночью японцы не открывали, нѣтъ ея и теперь. Сейчасъ идетъ сильное пушечное дѣло на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Подготовляютъ атаку, должно быть. Вчера къ нимъ подошли резервы изъ Дальняго—10,000 чел. Но, говорятъ, что гдѣ-то близко и Куропаткинъ, и даже флотъ россійскій ждутъ не сегодня-завтра. Дай Богъ! Напряженіе у всѣхъ страшное, да и убыль въ войскахъ порядочная. Изъ нашего полка убыло 13 офицеровъ,—совсѣмъ некому командовать ротами. Нѣкоторые офицеры заболѣли. Дѣло становится хуже и хуже. Если бы не пріятныя извѣстія отъ япон-

*) Послѣ осады въ госпиталяхъ осталось до 40 чел. нижнихъ чиновъ страдавшихъ умственнымъ разстройствомъ.

скихъ плѣнныхъ о томъ, что наши дерутся какъ львы, то хоть и самъ умирай. Впрочемъ, я лично духомъ не падаю и жду лучшаго.

„10 августа, 8 час. утра. Вчера вечеромъ всѣ наши были въ угнетенномъ состояніи; японцы не перестаютъ давить, войскъ стаетъ все меньше и меньше. Есть роты по 40 чел., первый нашъ батальонъ весь не болѣе 350—400 чел., а было болѣе 1,000. На подмогу намъ выпущены матросы, чел. 1,600. И они уже были въ дѣлѣ. Угловую вновь уступили японцамъ. Первый редутъ переходилъ разъ пять изъ русскихъ рукъ въ японскія и наоборотъ. Вечеромъ, съ 6 часовъ, началась бомбардировка города. Стрѣляли орудія изъ трехъ вразъ. Снаряды изъ одного ложились возлѣ нашихъ флигелей, нѣкоторые не рвались. Другая часть снарядовъ летѣла въ городъ. Два попали въ Сводный госпиталь... ночью была отчаянная пальба ружейная. Говорятъ, что отдали японцамъ редуты 1-й и 2-й. Они берутъ числомъ, прямо давятъ. Убитыхъ у нихъ масса. Большинство не убраны. Наши ночью складывали ихъ во рвы массами. Не знаю, засыпали ихъ или нѣтъ землей. Утромъ было сравнительно тихо. Итакъ, войско наше почти все уложено, а врагъ прибываетъ. Когда придетъ намъ спасеніе? Эскадры что-то не видно“...

Подъ 3 сентября. „...Говорятъ, Куропаткинъ у Кинчжоу. Но въ который разъ это говорятъ? Китайцы, пріѣхавшіе на шаландахъ, говорятъ, что Куропаткинъ выигралъ большое сраженіе и взялъ 200 пушекъ“.

Подъ 18 сентября. „Вѣстовой слышалъ, что будто Куропаткинъ забралъ Сампсонъ, но отдалъ его обратно и отступилъ. Свѣдѣнія же, привезенныя изъ штаба Д—вымъ, гласятъ, что со 2 сентября Куропаткинъ сталъ наступать на армію Оки, подрался два дня, потомъ сталъ отступать на Мукденъ, оставивъ заслонъ въ Ляоянѣ. Оки кинулся на Ляоянъ и много войска положилъ“...

Подъ 5 октября. „О Куропаткинѣ говорятъ, что онъ разбилъ армію японцевъ и загналъ ихъ на китайскую территорію, почему они должны разоружиться. Правда ли? Дай бы Богъ!.. Слухи: флотъ нашъ въ количествѣ 30 судовъ въ Шанхаѣ. Потомъ, будто бы японцы вслѣдствіе ливня сегодня ночью оставили ближайшіе окопы и ушли на 1,200 шаговъ, почему наши заняли эти окопы и хотятъ держать“.

Подъ 8 октября. „Всѣ почему-то увѣрены, или собственно ждутъ, что осада должна скоро окончиться. Сбудется ли это? Говорятъ, скоро долженъ прійти флотъ. Говорятъ на позиціи, что Куропаткинъ окружилъ Куроки и не даетъ ему вздохнуть. А арміи Оки и Нодзу идутъ къ Инкоу“.

Подъ 15 октября. „Мой церковникъ Петровъ разсказалъ мнѣ сегодня утромъ такую новость. Погибъ нашъ адмиралъ Скрыдловъ, бывшій на броненосцѣ „Александръ III“. Погибъ и броненосецъ. Было-де сраженіе морское съ японцами у пришедшей части эскадры, которая изъ Владивостока шла сюда. Японскихъ судовъ потоплено 15. Ушелъ будто бы одинъ крейсеръ. Бой продолжался

полтора дня. Израсходовали всѣ снаряды и начали пускать мины. Нашъ отрядъ миноносцевъ подошелъ позднѣе и сослужилъ службу—прикончилъ японскія суда, оставшіяся безъ снарядовъ. Это повѣствованіе онъ слышалъ отъ какого-то морского офицера, передававшаго матросамъ"...

Подъ 20 октября. „...Третьяго дня ген. Стессель издалъ приказъ, что Куропаткинъ двигается сюда, взялъ въ плѣнъ большого генерала, а другой генералъ 13 или 14 октября здѣсь лишилъ себя жизни, что будто бы японцы будутъ брать городъ до 21 октября. Поэтому и держаться осталось всего два дня".

Подъ 28 октября. „Вчера пришелъ китаецъ Лихалянъ, прислуга М—кина, откуда—неизвѣстно, и со словъ китайцевъ, прибывшихъ на джонкахъ, говоритъ, что русскіе не только въ Мукденѣ и Ляоянѣ, но и въ Инкоу, Гайджоу и дошли до Вафандяна. Японцы оттѣснены до Бидзыво и до Фынхуанчена".

Подъ 4 ноября. „...Изъ области слуховъ запишу принесенные П. Ив. (мой сожитель). Японцы будто бы подбросили письмо, гдѣ говорятъ, что какъ русскіе не замѣтили ихъ приближенія (сапой) къ фортамъ, такъ не замѣтятъ и ихъ удаленія отъ Артура. Съ позицій будто бы доносятъ, что японцы уходятъ. А Поповъ (оф. 16 п.) прислалъ записку съ 3-го укрѣпленія, что 8 ноября Артуръ освободится".

Подъ 17 ноября. „...Офицеръ Гавриловъ говоритъ, что сегодня послѣдній день атаки, что завтра японцы уѣзжаютъ на пароходахъ, что идетъ Линевичъ и скоро будетъ, что флотъ близко"...

Подъ 1 декабря. „Ген. Стессель издалъ приказъ, на основаніи словъ китайца, что недѣли двѣ назадъ былъ бой русскихъ съ японцами подъ Ляояномъ Много народу погибло съ той и другой стороны и что японцы отступили къ Фынхуанчену. Инкоу—наше. Но это все слухъ".

Подъ 16 декабря. „...Приходилъ Петровъ (церковникъ) „повидаться". Передавалъ слухъ, что флотъ нашъ во Владивостокѣ; что къ нему подошелъ англійскій и японскій флоты и Государь разрѣшилъ нашему бить и тотъ и другой. Удивляться нужно обилію всякихъ слуховъ!"...

Изъ вышеприведенныхъ, ходившихъ въ Артурѣ фантастическихъ слуховъ, которымъ мы вѣрили какъ дѣти, видны ясно чаянія и настроеніе заточенныхъ японцами артурцевъ. Только надеждами на освобожденіе и жилъ гарнизонъ крѣпости. Только вѣра въ Куропаткина и выручку и давала ему силы и мужество упорно бороться противъ яростныхъ штурмовъ врага.

Значительно упалъ духъ гарнизона, когда въ концѣ осады было достовѣрно узнано, что ген. Куропаткинъ отступилъ отъ Ляояна, а флотъ гдѣ-то еще далеко-далеко.

Много пользы въ смыслѣ поддержки духа гарнизона принесла мѣстная газета „Новый Край". Она поддерживала въ артурцахъ бодрое настроеніе своими оптимистическими статьями, благопріятными для нихъ слухами и описаніемъ разныхъ успѣховъ артурскаго гарнизона въ борьбѣ съ осаждавшими.

Большое значеніе въ томъ же направленіи имѣли приказы ген.-адъютанта Стессель, краснорѣчиво составлявшіеся и всегда съ бодрымъ взглядомъ и надеждою говорившіе о будущемъ. Въ нихъ нерѣдко помѣщались слухи объ успѣхахъ ген. Куропаткина, о приближеніи выручки (какъ это и видно изъ выдержекъ дневника), которые хотя и были не провѣрены, но много содѣйствовали поддержкѣ энергіи истомленнаго осадою и боями гарнизона.

Конецъ осады.—Возвращеніе на родину.

IX.

Послѣдніе дни и сдача Портъ-Артура.

Положеніе защитниковъ осажденнаго Портъ-Артура съ теченіемъ времени становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Съ каждымъ мѣсяцемъ упорные враги все ближе и ближе подходили къ его укрѣпленіямъ. Мало-по-малу, послѣ упорныхъ боевъ и съ громадными жертвами они отнимали и отнимали клочки артурскихъ позицій. Въ августѣ мѣсяцѣ японцы захватили редуты №№ 1 и 2, часть горы Панлуншана, гору Угловую, Длинную. Въ сентябрѣ захватили Водопроводный и Кумирненскій редуты. Въ октябрѣ забрали всѣ окопы, бывшіе впереди фортовъ 2-го и 3-го и укрѣпленія № 3; взяли открытый капониръ № 3. Къ этому времени японцы настолько близко подошли сапой къ нашимъ позиціямъ, что порой ихъ отдѣляло пространство шаговъ въ 20—30. Въ ноябрѣ японцы забрали Высокую гору, съ высоты которой Артуръ и гавань открылись ихъ взору и подверглись разстрѣлу. Къ концу ноября японцы были уже во рвахъ нашихъ главныхъ фортовъ 2-го и 3-го и укрѣпленія № 3. Самые форты были ими уже сильно изуродованы (фортъ 2), но еще держались. Одновременно съ этимъ успѣшно двигались ихъ минныя подземныя работы, и въ началѣ декабря японцы были уже подъ нашими фортами, готовые взорвать ихъ на воздухъ. Въ это же время случилось одно крупное для артурскаго гарнизона несчастіе: 2 декабря, въ 8 час. вечера, былъ убитъ въ казематѣ форта № 2 начальникъ сухопутной обороны крѣпости, генералъ-майоръ Кондратенко. Р. И. Кондратенко былъ душа обороны Артура и собственно его геніемъ держалась эта крѣпость столь продолжительное время. Нельзя не отмѣтить умѣлый выборъ начальника укр. района генералъ-адъютанта Стессель, назначившаго на важный и отвѣтственный постъ начальника сухопутной обо-

роны именно ген. Кондратенку. Ген. Кондратенко имѣлъ и спеціальную подготовку къ дѣлу защиты крѣпости, такъ какъ окончилъ курсъ инженерной академіи, имѣя уже дипломъ военной академіи, генеральнаго штаба, онъ былъ человѣкъ не старый, весьма умный, живой и обходительный со всѣми. Принявъ на свою отвѣтственность защиту артурскихъ позицій, на половину неисправныхъ и слабо защищенныхъ, онъ умѣлъ устранить по возможности дефекты обороны, Артура и укрѣпить его. Для этого генералу приходилось вездѣ быть самому и лично всѣмъ руководить. Его всегда можно было встрѣтить на позиціяхъ,—и утромъ, и вечеромъ, и днемъ, и ночью, часто одного, безъ свиты. Онъ, обходя позиціи, самъ по своему плану распоряжался устройствомъ линій защиты, исправленіемъ поврежденій. Во время боевъ ген. Кондратенко неизмѣнно былъ въ наиболѣе опасномъ районѣ и лично руководилъ сраженіями. Его бодрый видъ и ласковое обращеніе ужасно ободряюще дѣйствовали на солдатъ. Онъ умѣлъ ласково обойтись какъ съ равными, такъ и съ низшими, отчего всѣ его любили, вѣрили въ него, охотно повиновались и исполняли его „просьбы".

Смерть ген. Кондратенки произошла при такихъ обстоятельствахъ. 2-го декабря генералу было доложено, что японцы очень близко гдѣ-то подъ землей копаются на форту № 2. Генералъ рѣшилъ лично побывать на форту и устроить тамъ совѣщаніе о способахъ борьбы съ японскими подкопами. Для этого, въ сопровожденіи начальника своего штаба полк. Науменко, инженера Рашевскаго и др. лицъ, въ 8 час. вечера онъ прибылъ на фортъ, гдѣ, въ офицерскомъ помѣщеніи подземнаго каземата онъ устроилъ совѣщаніе съ мѣстными начальствующими лицами. Японцы узнали, что на фортъ прибыло начальство. Да это было и не трудно. Японцы сидѣли во рву и всякое движеніе, даже всякій возгласъ на форту были имъ хорошо слышны. Солдаты же, вѣроятно, не удержались, чтобы не привѣтствовать громогласно своего любимаго вождя, и тѣмъ выдали японцамъ его прибытіе. Лишь только ген. Кондратенко засѣлъ съ офицерами въ казематъ, какъ фортъ № 2 начали обстрѣливать одиннадцати-дюймовыми снарядами. Второй снарядъ попалъ въ наружный уголъ каземата, гдѣ былъ Кондратенко съ компаніей. Бомба прошла бетонъ и разорвалась въ концѣ помѣщенія, за легонькой деревянной перегородкой, отдѣлявшей чью-то спальню отъ общей комнаты. Всѣ находившіеся въ этой комнатѣ были моментально убиты газами разорвавшагося чудовища и отброшены къ внутренней его стѣнѣ. Часть лицъ, бывшая противъ выходныхъ дверей, была выброшена въ коридоръ и отдѣлалась пораненіями. Тѣло Кондратенко осталось совершенно цѣло, только задняя часть черепа треснула отъ удара о стѣну. Прочіе убитые (6 чел.) также остались неповрежденными. Вѣсть о гибели Кондратенки поразила артурцевъ тяжелѣе, чѣмъ извѣстіе о самомъ зломъ пораженіи. Всѣ его любили и на него надѣялись. 4-го декабря состоялись торжественныя похороны Кондратенки и убитыхъ съ

нимъ. Въ похоронахъ участвовало большое число священниковъ; многочисленная толпа артурцевъ собралась въ храмъ воздать послѣднюю дань любви дорогому вождю. Его похоронили на берегу моря.

Съ потерею Кондратенки бодрость и духъ артурскаго гарнизона замѣтно понизилось. Немного ранѣе этого времени получились точныя извѣстія объ отсутствіи какой бы то надежды на выручку, ни съ моря, ни съ суши. Между тѣмъ, наличныя силы гарнизона слабѣли. Уменьшались и средства обороны. Много пушекъ было подбито; для другихъ не было снарядовъ. Съ ноября мѣсяца начали издаваться приказы съ требованіемъ сокращать стрѣльбу изъ пушекъ, беречь снаряды, не тратить много ружейныхъ патроновъ. Все это не бодрило. Защитники Артура чаще стали заговаривать о близости его паденія... Вотъ что записано у меня въ дневникѣ подъ 8 декабря.

„За обѣдомъ былъ у насъ Г-нъ (одинъ изъ храбрѣйшихъ защитниковъ Артура). Онъ настроенъ весьма пессимистично.— Нѣтъ стрѣлковъ,—говоритъ,—нѣтъ снарядовъ, патроновъ. Нечѣмъ совершенно бороться съ врагомъ, а японцы усиливаются. Они поставили на редуты №№ 1 и 2, капониръ, фортъ 2-й полевыя орудія и жарятъ въ упоръ, такъ что головы выставить нельзя. Сами въ это время роютъ окопы.—Онъ увѣренъ, что мы сами собой не продержимся и двухъ недѣль. Японцы возьмутъ насъ легко и скоро, если будутъ долбить своими 11-ти дюймовками. Онъ полагаетъ, что пора ужъ помышлять о сдачѣ крѣпости, иначе весь гарнизонъ безъ пользы будетъ перерѣзанъ японцами.

„Дѣйствительно, конецъ Артура видимо приближался. Къ 8 дек. японцамъ отдали фортъ № 2, — весь онъ былъ изуродованъ снарядами и держаться въ немъ было нельзя. Его оставили. 15 декабря въ 10 час. утра японцы произвели взрывъ форта № 3 и къ вечеру, послѣ упорной обороны, его заняли. 18 декабря, тоже утромъ, японцы произвели одинъ за другимъ два взрыва на укрѣпленіи № 3, которое и заняли. Особенно ужасенъ былъ второй взрывъ на укрѣпленіи. Взрывомъ не пробило всей толщи укрѣпленія. Пламя и газъ взрыва ударили въ потерну и по ней распространились по всѣмъ подземнымъ отдѣленіямъ каземата. Много защитниковъ было спалено газами, многіе пострадали отъ взрыва собственныхъ снарядовъ и ручныхъ бомбочекъ, хранившихся на перекресткѣ подземныхъ ходовъ, зажженныхъ взрывомъ японскимъ. Одно отдѣленіе каземата было завалено обрушившимся потолкомъ и землей. Люди, тамъ находившіеся, частью были раздавлены, частью завалены въ образовавшемся склепѣ. Японцы тотчасъ послѣ взрыва заскочили въ укрѣпленіе и овладѣли имъ. Они откопали погребенныхъ въ склепѣ, угостили ихъ ромомъ, потомъ предложили имъ самимъ посредствомъ ходовъ сообщенія итти въ плѣнъ, а сами занялись своимъ дѣломъ. Солдаты предпочли плѣну Артуръ и потихоньку всѣ перебѣжали на Курганную батарею. Въ этотъ день японцы не ограничились взятіемъ укрѣпленія № 3. Они повели штурмъ на

Скалистый кряжъ и Китайскую стѣнку и къ вечеру завладѣли ими. Кромѣ того, они взяли и Орлиное гнѣздо, самый высокій пикъ праваго фланга. Въ общемъ японцамъ день 18 декабря посчастливилъ отмѣнно: они овладѣли коренной линіей артурскихъ укрѣпленій на протяженіи 3½ верстъ. Ихъ отдѣлялъ отъ Артура одинъ лишь холмъ, слабо защищенный. Такое быстрое занятіе многихъ важныхъ частей защиты Артура ясно свидѣтельствовало уже объ истощеніи силъ защитниковъ крѣпости. Узнавъ вечеромъ о результатахъ дневнаго боя, мы весьма логически пришли къ заключенію, что еще одно усиліе японцевъ по направленію сдѣланнаго уже ими прорыва—и Артуръ ими будетъ взятъ. Этого взятія Артура штурмомъ, со всѣми ужасами рѣзни, мы и ждали уже не сегодня—завтра. День 19 декабря была пальба пушечная и ружейная, но—не штурмовая. 20 декабря мы ждали рѣшенія своей судьбы, и даже начали готовиться къ смерти. Каково же было наше удивленіе, когда, проснувшись утромъ 20-го, мы не слышали пушечной и ружейной пальбы совершенно (только на крайнемъ лѣвомъ флангѣ рѣдко-рѣдко пострѣливали). Прошло 7, 8, наконецъ, 9 часовъ,—пальбы все нѣтъ. Выйдя на террасу, я увидалъ, что на Орлиномъ гнѣздѣ и по гребнямъ отнятыхъ въ послѣдніе дни позицій открыто, толпами стоятъ японцы. Недоумѣвая, чтобы это значило, поспѣшилъ я въ канцелярію полка и тамъ узналъ, что ген.-адъютантъ Стессель еще съ вечера началъ съ японцами переговоры о сдачѣ Портъ-Артура.

Какъ отнесся къ этому гарнизонъ крѣпости?—Я не могу ничего сказать о мысляхъ и чувствахъ по этому поводу всего гарнизона. Что же касается знакомаго мнѣ офицерскаго кружка и защитниковъ позицій праваго фланга, мнѣнія которыхъ я имѣлъ случай узнать, то всѣ они отнеслись къ этому, какъ логическому и неизбѣжному концу безнадежно потеряннаго дѣла. Желанія держаться дальше не высказывалъ никто,—ни нижніе чины, ни офицеры. До такой степени всѣ измучились и издергались нервами за 8 мѣсяцевъ сидѣнія и боя, что хоть какой-нибудь конецъ мучительной осады,—все равно рѣзня-ли, смерть-ли, сдача-ли,—имъ былъ необходимъ. Въ то же время всѣмъ очевидно было, что этотъ флангъ дольше держаться не можетъ. Я слышалъ, что на лѣвомъ флангѣ были противники сдачи, которые являлись къ ген.-адъютанту Стессель съ заявленіемъ о желаніи драться дольше. Это имъ и было предоставлено. Но когда крѣпость сдалась, сдались и они.

20 декабря, въ китайской деревенькѣ Сюй-шіинъ, уполномоченными обѣихъ сторонъ былъ подписанъ актъ сдачи крѣпости Портъ-Артура японцамъ. Пункты капитуляціи гласили:

1) Отъ всѣхъ частей войскъ, штабовъ, управленій, учрежденій и заведеній военнаго и гражданскаго вѣдомства, а также отъ штаба начальника отряда броненосцевъ и крейсеровъ, отъ управленія Портъ-Артура и отъ штаба начальника минной обороны побережья, представить къ 8 час. утра 22 с. декабря въ

Штабъ укрѣпленнаго района списки офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, съ обозначеніемъ ихъ чиновъ и должностей.

2) Полиціймейстеру г. Портъ-Артура къ тому-же сроку доставить въ Штабъ района свѣдѣнія о числѣ мирныхъ жителей съ раздѣленіемъ ихъ по поламъ (мужчины, женщины), національностямъ (русскіе, нѣмцы, китайцы и т. д.) и профессіямъ (торговцы, извозчики, ремесленники и т. д.).

3) Все оружіе (включая и носимое частными лицами) аммуниція, предметы, принадлежащіе Правительству, лошади, броненосцы, корабли и лодки со всѣмъ находящимся на нихъ (кромѣ частнаго имущества) должны быть переданы японцамъ.

4) Въ воздаяніе почести храбрымъ защитникамъ Портъ-Артура, всѣмъ военнымъ и морскимъ офицерамъ и чиновникамъ разрѣшается носить холодное оружіе и имѣть при себѣ предметы, необходимые для ихъ жизни. Каждый офицеръ имѣетъ право имѣть при себѣ одного денщика.

5) Всѣ госпитали и лѣчебныя заведенія, а также Интендантская часть Русской арміи и флота остаются на мѣстахъ и продолжаютъ свои дѣйствія, пока это скажется необходимымъ.

6) Сухопутныя войска и моряки, находящіеся въ крѣпости, должны выступить въ полномъ порядкѣ, въ составѣ частей войскъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы головы колоннъ прибыли къ восточному скату укрѣпленія № 5 (около Голубиной бухты) къ 8 час. утра 23 декабря. Всѣ нижн. чины должны имѣть провизій на однѣ сутки и имѣютъ право взять съ собой изъ вещей только самое необходимое, что могутъ нести на себѣ.

7) Русскія должностныя лица, не принадлежащія къ арміи или флоту, должны образовать группы по спеціальностямъ и слѣдовать за войсками къ сборному пункту укрѣпленія № 5 къ сроку, указанному въ предыдущемъ пунктѣ.

8) Противъ носящихъ оружіе, кромѣ лицъ, кому таковое оставлено (см. пунктъ 4), послѣ 8 час. утра 23 декабря будутъ принимаемы самыя строгія мѣры со стороны японской арміи.

9) Офицеры и чиновники, коимъ оставлено оружіе, прибывая на сборный пунктъ могутъ имѣть при себѣ необходимый багажъ, но вѣсъ его не долженъ превышать: для оберъ-офицеровъ 1 пуда 5 фун., для штабъ-офицеровъ 2 пуд. 10 фун., для генераловъ 5 пуд. 25 фун.

10) Мирные жители могутъ продолжать спокойно жить, и тѣмъ изъ нихъ, кои пожелаютъ оставить Артуръ, разрѣшено будетъ взять съ собой всю ихъ частную собственность.

Семействамъ офицеромъ и чиновниковъ, которые пожелаютъ уѣхать, японская армія предоставитъ всѣ удобства, какія въ ея силахъ.

При этомъ было разрѣшено желающимъ изъ офицерскихъ чиновъ освободиться отъ плѣна въ Японіи и возвратиться въ Россію подъ условіемъ обѣщанія не воевать съ Японіей.

Два дня—21 и 22 декабря мы жили въ японскомъ Артурѣ. Японскихъ войскъ въ немъ еще не было, но комиссія японская

уже жила возлѣ Штаба укрѣпленнаго района. На улицахъ города появились кое-гдѣ безоружные японскіе солдаты. Всѣ они были маленькіе, желтолицые. Тяжело было намъ, сынамъ великой державы, смотрѣть на этихъ желтолицыхъ малышей и сознавать, что они побѣдители и наши властелины. Японскіе солдаты заходили къ намъ въ квартиры, осматривали наше имущество, но безчинствъ не дѣлали. Кое-гдѣ они лишь дѣлали попытки что-либо стащить. У меня въ квартирѣ было три японца одновременно. Они попробовали мой чай и ушли, стащивъ мою теплую скуфейку. У священника 13 полка—почтеннаго старца—гостившіе японцы взяли крестъ наперсный серебряный и орденъ св. Анны 3 ст.

Что касается артурскихъ жителей, то они, послѣ пятимѣсячнаго безпрерывнаго трепетанія за свою жизнь, въ первый разъ вздохнули свободно. Улицы города ожили. На нихъ появилось много женщинъ, дѣтей, другихъ разныхъ лицъ, которыхъ мало было видно ранѣе. Городъ оживился.

Войска готовились къ выступленію. Нѣкоторые солдаты не упустили случая воспользоваться моментомъ. Чтобы не доставалось оставшееся въ погребкахъ вино японцамъ, они самовольно начали разбивать погребки и тащить водку, ромъ, коньякъ. Началось между ними пьянство, а съ нимъ появились неразлучные дебоширства, безпорядки. По городу раздавались пѣсни, громкая русская ругань; недавно бравые стрѣлки теперь ходили шатаясь, писали „мыслете"... Офицеровъ перестали слушать. Было нѣсколько случаевъ грубости по ихъ адресу со стороны нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ подпитіи.

Съ ночи на 20-е число, когда узнали уже о предстоящей сдачѣ, въ городѣ начались взрывы и пожары. Взрывали броненосцы, форты, орудія, жгли казармы и другія зданія. Не успѣвъ разрушить все, что нужно, въ ночь на 20-е, русскіе продолжали взрывать и жечь и позднѣе, ночью на 21; 21-го днемъ и ночью, словомъ—пока не ушли. Такое поведеніе очень не нравилось японцамъ и противорѣчило условіямъ сдачи, по которымъ все въ крѣпости и городѣ сдается такъ, какъ оно было въ моментъ подписанія капитуляціи. Но устранить стихійное стремленіе къ уничтоженію, обуявшее русское воинство, не въ силахъ были и сами начальники его. Въ концѣ концовъ уже сами японцы приняли мѣры противъ развивавшагося погрома города и грабежей русскихъ солдатъ. Они наставили всюду своихъ часовыхъ, которые энергичными мѣрами усмирили буйство русскихъ.

X.

Путешествіе въ Японію.

Декабря 23, съ 6 часовъ утра, началось выступленіе русскаго гарнизона изъ Портъ-Артура къ указанному японцами мѣсту подъ фортомъ № 5. Здѣсь японцы устроили ставку. Были поставлены три палатки, изъ которыхъ въ двухъ находились японскіе начальники, а третья была названа: „мѣсто клятвы“. Это была палатка, въ которой офицеры, желавшіе возвратиться въ Россію, давали подписку въ томъ, что не будутъ воевать съ Японіей и вредить ея интересамъ.

Здѣсь, съ 8 часовъ утра, и начатъ былъ японцами пріемъ военно-плѣнныхъ. Принималъ самъ генералъ Ноги со штабомъ. Пріемъ производился по полкамъ. Сначала шла 4-я дивизія съ приписаннымъ къ ней 5 полкомъ, въ цифровомъ порядкѣ полковъ,—сначала 5-й, потомъ 13-й, 14-й, 15-й и 16-й. Затѣмъ принимали 7-ю дивизію, запасные батальоны, артиллеристовъ, саперовъ, минеровъ, моряковъ и дружину. На пріемъ было употреблено нѣсколько дней. Производился онъ такимъ образомъ. Полкъ, въ своемъ полномъ составѣ, выстраивался предъ ставкою. Японскому офицеру представляли вѣдомость со спискомъ всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка. Японцы считали наличность и записывали. Затѣмъ предлагали желающимъ изъ офицеровъ пожаловать въ „мѣсто клятвы“. Здѣсь былъ столъ, на которомъ лежалъ листъ бумаги для подписи офицерами, не желающими ѣхать въ плѣнъ. Такъ какъ ко времени пріемки войскъ японцами генералъ-адъютантъ Стессель уже успѣлъ получить отъ Государя Императора разрѣшеніе офицерамъ, желающимъ ѣхать въ Россію, дать требуемую подписку, о чемъ и знали офицеры, то часть офицеровъ каждаго полка заходила въ палатку. Здѣсь они въ общемъ спискѣ присоединяли свое имя и фамилію. Записалось всего въ этомъ „мѣстѣ клятвы“ не болѣе трети офицеровъ артурскаго гарнизона. Большинство ихъ пожелало раздѣлить участь нижнихъ чиновъ и пошло въ плѣнъ.

Послѣ пріема наличнаго состава каждаго полка японцы осматривали имущество, взятое съ собой офицерами и везомое на двуколкахъ. Осмотръ имущества производился поверхностно и исторій съ нимъ какихъ-либо не было.

Въ первый день, 23 декабря, было принято японцами пять полковъ 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи. На ночлегъ японцы распредѣлили полки по китайскимъ деревнямъ, куда отъ ставки и повели каждый полкъ отдѣльно подъ конвоемъ, шедшимъ спереди, въ срединѣ и сзади полка. Въ каждой части было человѣкъ по 30 солдатъ.—Такъ полки 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи окончили свою совмѣстную боевую жизнь въ Артурѣ и разстались. Каждый полкъ началъ жить

отдѣльно, да и это существованіе полковъ самихъ по себѣ было кратковременно. Теперь я буду описывать исторію одного 15-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, къ которому принадлежу.

15-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ вышелъ изъ Артура въ составѣ 42 офицеровъ и 1400 нижнихъ чиновъ (до осады онъ состоялъ изъ 58 офицеровъ и 3700 нижнихъ чиновъ). На ночлегъ онъ былъ отведенъ въ деревушку подъ Ляотешаномъ, вблизи Голубиной бухты. Для офицеровъ было отведено нѣсколько фанзъ; солдаты должны были располагаться на ночлегъ подъ открытымъ небомъ. Былъ холодъ и вѣтеръ. Съ моря сильно тянуло сыростью. Первый ночлегъ для плѣнниковъ не былъ пріятнымъ; особенно чувствовали это стрѣлки, дрогнувшіе подъ своими шинелями цѣлую зимнюю ночь. Въ офицерскія помѣщенія были принесены съѣстные припасы,—японскія галеты, консервы и пиво. Нашлось кое у кого и свое. Мы поужинали и залегли спать. Съ нами въ каждой фанзѣ безотлучно находился одинъ японскій офицеръ. За дверьми фанзъ стояли часовые. Бивакъ нашъ тоже весь былъ оцѣпленъ часовыми.

На утро, часовъ въ 6, насъ разбудили и опять принесли галетъ, дали чаю. Солдатамъ выдали по двѣ пачки галетъ и по банкѣ консервовъ. Затѣмъ насъ двинули пѣшимъ образомъ по направленію къ желѣзной дорогѣ. Въ послѣдній разъ предъ нами промелькнули—фортъ № 5, Высокая гора, Угловая... Итти пришлось верстъ 30, и все пѣшкомъ. Была съ нами въ обозѣ полковая пролетка, но на ней ѣхалъ больной офицеръ и дѣвочка Женя, дочь дѣлопроизводителя полка, 6 лѣтъ. Въ теченіе пути мы дѣлали нѣсколько приваловъ и часовъ въ 9—10 вечера прибыли на разъѣздъ 19 версты, гдѣ японцы устроили станцію. Здѣсь офицеровъ размѣстили въ палатки; нижніе чины опять должны были проводить ночь подъ открытымъ небомъ. Былъ сильный холодъ, и мы мерзли въ своихъ палаткахъ, несмотря на принесенныя жаровни съ углями. Какъ было холодно стрѣлкамъ—можно себѣ представить. Впрочемъ и имъ давали топлива—хворосту. Продрогшіе за ночь проснулись мы на слѣдующее утро и такъ встрѣтили праздникъ Рождества Христова. Не радостенъ показался намъ этотъ великій день при такой угнетающей обстановкѣ, во власти своихъ враговъ...

Въ 10 часовъ утра полкъ былъ построенъ, и я отслужилъ обѣдницу съ положеннымъ по уставу молебномъ. Затѣмъ рождественскій молебенъ былъ отслуженъ мною стрѣлкамъ 14 полка, священникъ коего остался въ Портъ-Артурѣ.

Усердно-усердно молились солдатики, предвидя, что служба полкового священника для нихъ совершается въ послѣдній разъ, и боясь темнаго будущаго, ожидавшаго ихъ въ чужой сторонѣ, въ плѣну у враговъ.

Японцы толпой собрались и смотрѣли христіанское богослуженіе.

Здѣсь, питаемые консервами и галетами побѣдителей, мы пробыли цѣлый день. Въ слѣдующую ночь, въ 1 часъ ночи, намъ вдругъ приказали садиться въ вагоны. Мы поспѣшно отправи-

лись къ поѣзду. Тамъ были поданы платформы, употребляемыя для перевозки каменнаго угля и песку. Въ нихъ мы и помѣстились. Багажъ былъ тутъ же съ нами. Было ужасно тѣсно, неудобно. Когда мы двинулись, къ этому присоединился еще холодъ. Былъ сильный и холодный вѣтеръ; противъ его порывовъ мы были беззащитны и страдали отъ него все время переѣзда, часа 3. Насъ отправили въ Дальній.

Прибыли мы въ г. Дальній часа въ 4 утра.

Прежде чѣмъ провести въ городъ, насъ провели въ карантинное зданіе и всѣмъ сдѣлали поверхностный осмотръ (смотрѣли въ зубы). Здѣсь же, по выходѣ изъ карантина, пока мы сходились, явились привѣтствовать насъ какіе-то, довольно важные, по всей вѣроятности, японцы въ штатскихъ европейскихъ и военныхъ своихъ костюмахъ. Нашей единственной полковой дамѣ— дѣвочкѣ Женѣ они поднесли букетъ цвѣтовъ, нѣсколько корзинокъ съ фруктами и коробокъ съ конфектами. Каждый подходившій считалъ своимъ долгомъ дать визитную карточку. Я забылъ всѣ фамиліи любезныхъ представителей Японіи. Помню лишь, что на одной карточкѣ, послѣ имени ея владѣльца, порусски значилось: „Членъ палатной перовы", т. е. членъ палаты перовъ. Многіе изъ нихъ говорили по-русски.

Когда окончился осмотръ, насъ сосчитали и по-прежнему подъ конвоемъ повели въ городъ на квартиры. Нижніе чины шли отдѣльно. Пройдя почти чрезъ весь городъ, подошли мы къ зданію женской гимназіи, еще не отстроенному. Здѣсь стоялъ японскій караулъ и столбъ съ дощечкой, на которой было написано „Домъ для плѣна". Офицеровъ провели въ верхній этажъ зданія и размѣстили по комнатамъ. Нижніе чины были заключены въ нижній этажъ.

Здѣсь насъ держали прямо какъ узниковъ. Всюду была стража и, какъ оказалось, выходъ изъ зданія намъ былъ воспрещенъ. На этой почвѣ возникали даже инциденты съ часовыми. Нѣкоторые изъ офицеровъ пожелали было отправиться на базаръ взять провизіи, но тотчасъ по выходѣ были безъ церемоніи хватаемы часовыми и водворяемы на мѣсто. Зданіе гимназіи, не достроенное русскими, на скорую руку было приспособлено японцами для жилья. Были вставлены рамы со стеклами и понадѣланы въ комнатахъ желѣзныя печи (переносныя). Въ коридорахъ были сдѣланы козлы для ружей. Очевидно, это зданіе всю зиму служило казармами для японскихъ войскъ.

Здѣсь мы прожили двое сутокъ съ половиною. Нельзя сказать, чтобы житье наше здѣсь было пріятно. Главная непріятность была одна—зависимое положеніе отъ японцевъ. Намъ о всякой нуждѣ было необходимо просить японцевъ, во всемъ согласоваться съ ихъ требованіями. Затрудняли даже сношенія съ японцами. Когда не было никого изъ офицеровъ, съ которыми можно было сговориться или по-русски, или по-нѣмецки, или по-французски, намъ приходилось мимикой объясняться съ часовымъ, стоявшимъ за дверью, и часто наши разговоры кончались полнѣйшимъ фіаско. Вѣроятно, по причинѣ безтолковости

часового или нашего неумѣнья разговаривать съ нимъ мы не одинъ день остались совершенно безъ пищи. Никто изъ японцевъ намъ не принесъ положенной порціи консервовъ и галетъ. Сколько мы ни говорили мимикой съ часовымъ о нашихъ желудочныхъ потребностяхъ, онъ остался глухъ и нѣмъ,—только улыбался! Хорошо, что у насъ былъ свой запасъ кое-какой провизіи, да вѣстовые гдѣ-то у маркитанта купили намъ яицъ,—тѣмъ только и были сыты.

Пить чай японцы намъ не препятствовали.

Терпѣли мы еще стѣсненія отъ непрошенныхъ посѣтителей. Въ теченіе всего дня, а порой и ночью, къ намъ въ комнаты безъ церемоніи заходили разнаго ранга „япошки", спокойно разсматривали насъ, переговаривались съ часовымъ, тоже входившимъ въ комнату, стояли, сколько имъ заблагоразсудится—и удалялись.

27 декабря мы провожали своихъ стрѣлковъ на пароходъ. Они были отправлены впередъ офицерскаго состава (съ ними пошло только 7 человѣкъ офицеровъ). Стрѣлки предъ гимназіей были построены, провѣрены. Къ нимъ вышелъ командиръ полка и офицеры. Командиръ сказалъ имъ напутственное слово, благодарилъ за вѣрную службу и труды, просилъ высоко и честно держать имя русскаго въ чуждой японской странѣ, пожелалъ имъ благополучно провесть время тягостнаго плѣна, счастливо возвратиться на родину и увидаться съ близкими... Тяжело и грустно было на сердцѣ при разставаніи съ людьми, съ которыми почти годъ жили тѣсно, вмѣстѣ неся трудную службу и дѣля смертныя опасности. Грусть видна была и на лицахъ и въ глазахъ солдатъ. У многихъ непокорная слеза выскальзывала изъ глазъ, спокойно смотрѣвшихъ навстрѣчу смерти. На прощанье я оградилъ ихъ св. крестомъ. Многіе прикладывались къ нему и получали мое благословеніе. Затѣмъ они пошли. Шли какъ обычно, — рядами, по четыре человѣка въ рядъ, но какая разница съ ихъ былою маршировкою въ Артурѣ и на походахъ! Тамъ они были воинство, сила, свободны, выступали бодро, смѣло; здѣсь—уже не солдаты, а плѣнники, безоружные, которые не шли, а которыхъ вели между взводами японскихъ солдатъ съ заряженными ружьями. Но несмотря на этотъ плачевный видъ, или вѣрнѣе поэтому, еще болѣе рвалось къ нимъ сердце. Да иначе и быть не могло. Это шли мученики, страдальцы, вынесшіе на своихъ плечахъ ужасы осады, всѣ почти пролившіе кровь свою и случайно уцѣлѣвшіе отъ смерти. Это шли люди, беззавѣтно преданные родинѣ, кровью запечатлѣвшіе любовь свою къ ней...

Длинной лентой протянулся полкъ по дорогѣ къ пристани. Вотъ голова колонны свернула налѣво и исчезла изъ вида. За ней стали постепенно скрываться изъ глазъ и прочіе — рядъ за рядомъ... наконецъ, исчезли и послѣдніе ряды полка; за ними повернулъ и японскій конвой съ ружьями вольно... и все! Стрѣлки 15-го полка скрылись отъ насъ навсегда!.. Полкъ пересталъ фактически существовать. Осталась отъ него только небольшая группа офицеровъ; они были однополчане, но не составляли уже полка.

Грустные возвратились офицеры въ свои комнаты, и на время

замолкли среди нихъ всякія шутки, смѣхъ и разговоръ. Всѣмъ видимо тяжело было на душѣ...

На слѣдующій день, 28 января, наступила очередь и намъ садиться на морской японскій пароходъ. Въ 12 час. дня намъ было приказано собраться, вынесть свои вещи и построиться предъ „домомъ для плѣна" въ ряды. При этомъ, давшіе подписку должны были строиться отдѣльно, имѣя красныя перевязи на рукавѣ; идущіе въ Японію — тоже отдѣльно, безъ перевязей. Въ отдаленіи построились наши денщики. Пришло японское начальство, пересчитали тщательно насъ, провѣрило по спискамъ и отправило насъ на пароходъ. Мы пошли, тоже едва не рядами, подъ конвоемъ, какъ стрѣлки. Денщики слѣдовали за нами. На пристани стоялъ уже приготовленный для насъ большой пассажирскій пароходъ „Ава-мару", на который насъ и водворили, каждаго на опредѣленное заранѣе мѣсто. За нами внесли нашъ багажъ. Пассажировъ на пароходѣ оказалось очень много, были офицеры разныхъ родовъ оружія, были и нижніе чины изъ разныхъ частей. Офицеры занимали I, II и III классы; солдаты были помѣщены въ трюмѣ. Въ 2 часа дня пароходъ отошелъ отъ берега и мы покинули Квантунъ. Насъ повезли въ страну Восходящаго Солнца.

Два съ половиною дня плыли мы до ближайшей японской гавани—г. Нагасакъ. Море было прелестно, тихо. Пища на пароходѣ прекрасная, обхожденіе вполнѣ вѣжливое, деликатное. Правда, были въ разныхъ частяхъ парохода часовые, но насъ они совершенно не касались и стояли какъ будто для декораціи.

Послѣ гнетущихъ дней артурской осады, послѣ мытарствъ перехода въ Дальній, мы на пароходѣ отдыхали тѣломъ и душой подъ теплыми лучами солнца, любуясь мирной тишиной яснаго неба и великолѣпнаго бирюзоваго моря. Впрочемъ, нѣсколько человѣкъ изъ нашей офицерской компаніи чувствовали себя и при такой прелестной обстановкѣ не по себѣ. Это были любители выпивки, которымъ не было возможности потѣшить свою страсть: на пароходѣ абсолютно не давали спиртныхъ напитковъ.

Мы прошли мимо корейскихъ островов, плыли японскими островами и восхищались чудными картинами ихъ очертаній. Часовъ въ 7—8 вечера, 30 декабря мы подошли къ Нагасакской гавани. На время японцы всѣхъ насъ пригласили въ каюты и просили не смотрѣть на берега. Чрезъ часъ насъ выпустили изъ каютъ. Мы оказались въ Нагасакскомъ рейдѣ. Видѣть его мы уже не могли,—было темно. Видны были только горѣвшіе огни на берегу и на водѣ.

На пароходъ явилось береговое начальство. Произошло у японцевъ какое-то совѣщаніе, послѣ котораго лицъ, ѣдущихъ въ Россію, попросили собраться вмѣстѣ по своимъ частямъ. Произошла провѣрка, и насъ попросили спускаться по трапу въ катера, которые уже подошли. Считали насъ и во время прохожденія по лѣстницѣ. Разсаженныхъ на катера всѣхъ насъ повезли куда-то въ мракъ ночи. Было уже часовъ 10—11 ночи. Минутъ чрезъ 20 катера подошли къ берегу и мы стали выходить. На берегу

рядами стояли японцы въ мундирахъ (полицiя) съ разноцвѣтными бумажными фонарями различной формы, прикрѣпленными къ палочкамъ. Между рядами этой стражи мы и двинулись къ виднѣвшемуся вдали большому и низкому зданiю. Войдя въ зданiе, мы оказались въ просторной комнатѣ, почти безъ мебели; въ углу была устроена загородка съ проволочными стѣнками вверху, на подобiе нашихъ клѣтокъ-кассъ въ банкахъ и магазинахъ, съ окошечками. Въ этой клѣточкѣ виднѣлись два или три японца. Чрезъ переводчика насъ всѣхъ попросили отдать этимъ лицамъ свои деньги, часы и др. вещи изъ кармановъ. Мы пришли въ недоумѣнiе. Раздались возгласы:

— Что такое? Зачѣмъ? Отнимать хотятъ?

Нервно настроенные и темнотой ночи, и неизвѣстностью, насъ ожидающей, немного побаивавшiеся своихъ побѣдителей, мы готовы были заподозрить, что японцы безцеремонно хотятъ насъ обобрать. Мы заволновались, потребовали объясненiй. Переводчикъ вновь вышедшiй къ намъ, разъяснилъ, что насъ и всѣ наши принадлежности будутъ дезинфицировать, поэтому вещи изъ кармановъ,—деньги, драгоцѣнности, документы просятъ отдать на храненiе въ кассу, чтобы они не пострадали отъ паровыхъ ваннъ. Наши вещи будутъ сохранены и въ цѣлости возвращены намъ. Понявъ, въ чемъ дѣло, мы повиновались и выложили изъ кармановъ свои вещи. Японцы вещи каждаго клали въ отдѣльный мѣшечекъ, при насъ его завязывали, надѣвали на него номеръ, причемъ и намъ выдавали на руки по три жестяныхъ номера съ одинаковой цифрой, совѣтуя ихъ тщательно хранить на рукѣ. Всѣхъ отдавшихъ вещи пропускали далѣе. Пройдя дверь, мы оказались въ длинномъ коридорѣ, на противоположной сторонѣ котораго было множество дверокъ, предъ нами гостепрiимно раскрывшихся. За дверьми виднѣлись маленькiя (2×2 арш.) помѣщенiя въ родѣ передбанниковъ. Мы по одному стали распредѣляться въ этихъ передбанникахъ. Слѣдомъ за нами въ каждый являлся японецъ - банщикъ, который быстро насъ раздѣвалъ. Платье и бѣлье онъ складывалъ въ одну корзину, сапоги и шапку— въ другую; къ каждой корзинѣ прикрѣплялъ по одной изъ имѣвшихся у насъ на рукахъ жестяныхъ пластинокъ съ номерами и исчезалъ съ ними, предлагая намъ слѣдовать далѣе. Далѣе оказалась такая же по размѣру ванная комната съ горячей и холодной водой. Мы должны были сѣсть въ ванну и омыть себя. Къ нашимъ услугамъ было мыло и мочалка. И мы принялись мыться, каждый по своему желанiю,—кто основательно и съ удовольствiемъ, а кто поверхностно, неохотно, отбывая неизбѣжную обязанность. Окончивъ омовенiе, въ слѣдующемъ далѣе (а не обратно) помѣщеньицѣ мы нашли полотенца, коими воспользовались, и японскiе халаты (въ родѣ духовныхъ рясъ), въ кои мы облеклись. На ноги одѣли туфли. Затѣмъ мы были выпущены въ общую залу, большую комнату съ топившимися желѣзными печками. Здѣсь, сидя на креслахъ и стульяхъ, мы стали любоваться собственными метаморфозами и подтрунивать другъ надъ другомъ. Въ этой залѣ намъ пришлось побыть долго. Сначала долго не

приносили нашихъ вещей. Потомъ, когда мы одѣлись въ собственныя одѣянія и приняли свойственный каждому образъ, насъ все еще продолжали держать въ залѣ. Какой-то японецъ все ходилъ и считалъ насъ. Считалъ, уходилъ, снова приходилъ и считалъ. Мы, собственно говоря, уже привыкли къ безконечной японской провѣркѣ, но тутъ и наше терпѣніе начало лопаться. Между тѣмъ, пришелъ другой японецъ и оба они стали считать насъ, дѣля насъ для точности на десятки, прося насъ не трогаться съ мѣста. Считали, уходили, потомъ гдѣ-то вдали говорили по телефону, опять приходили, вновь пересчитывали. Мы начали ворчать и требовать, чтобы насъ отправили отсюда, что мы хотимъ спать. Наконецъ, являются къ намъ четыре японца. Одинъ изъ нихъ, переводчикъ, объясняетъ, что случилось недоразумѣніе. Именно, по бумагамъ должно было сойти съ прибывшаго парохода ѣдущихъ въ Россію—103, а здѣсь такихъ оказалось 105. Поэтому, пришлось разъяснять это непонятное обстоятельство, отчего и вышла задержка.

— Теперь дѣло разъяснилось, — продолжалъ переводчикъ,— оказалось, что два офицера, не давши въ Артурѣ подписки не воевать съ Японіей, сошли здѣсь съ Ава-мару вмѣстѣ съ прочими, давшими подписку. Эти офицеры—г. И. и адъютантъ N (переводчикъ назвалъ фамиліи).

Названныя лица должны были выступить и заявить, что они, дѣйствительно, сошли съ парохода, не давъ подписки... Ихъ отдѣлили отъ прочихъ, а всѣхъ насъ, наконецъ, отправили изъ карантина тѣмъ же путемъ между свѣтившими полицейскими на катера. Усадивъ на нихъ всѣхъ, вновь куда-то повезли. Было уже около 1—2 часовъ ночи. Чрезъ нѣсколько времени мы подъѣхали къ берегу и опять по удобнымъ сходнямъ сошли на набережную и въ сопровожденіи полицейскихъ съ фонарями отправились куда-то въ гору. Вошли мы затѣмъ въ какую-то узкую улицу, гдѣ между рядами заборовъ и виднѣвшихся во дворахъ домовъ стали подниматься по каменнымъ ступенямъ вверхъ. Взошедши, прошли еще нѣсколько узкихъ и кривыхъ улицъ и вошли въ какія-то ворота, довольно грандіозныя на видъ. Это оказался входъ во дворъ храма Будды. Самый храмъ виднѣлся вдали. Насъ пригласили налѣво отъ него, гдѣ на открытомъ воздухѣ стояли столы, скамьи и стулья. Насъ пригласили за эти столы садиться. На нихъ стояли тарелки съ печеньемъ и вазы съ апельсинами. Явился важный японецъ,—какъ мы потомъ узнали,—губернаторъ города Аракава Еситаро. Онъ чрезъ переводчика выразилъ намъ свое привѣтствіе, поздравилъ съ пріѣздомъ, назвалъ насъ почетными гостями страны Восходящаго Солнца, пожалъ всѣмъ руки — и удалился. Потомъ намъ дали чаю въ маленькихъ чашечкахъ, безъ сахару и—зеленаго. Вѣроятно, это составляло очень почетное угощеніе на взглядъ японцевъ. Намъ же этотъ зеленый чай показался безвкуснымъ, непріятнымъ. Но мы выпили его, чтобы не обидѣть радушныхъ хозяевъ; апельсинамъ и печенью, впрочемъ, мы оказали больше вниманія. Пока мы пили чай и ѣли апельсины большая толпа японцевъ собралась во дворъ и раз-

сматривала насъ. Были тутъ и невиданныя многими изъ насъ японки. Когда мы окончили чаепитіе, японцы попросили насъ раздѣлиться на группы по рангамъ. Полковники и подполковники выдѣлились въ одну, капитаны и штабсъ-капитаны — въ другую, поручики и подпоручики — въ третью группу; заурядъ-прапорщики образовали четвертую группу. Каждая группа отдѣльно подъ предводительствомъ японца съ фонаремъ была отправлена на соотвѣтствующую квартиру. Когда всѣ группы разошлись, остался среди японцевъ одинъ я, не подошедшій ни къ одной изъ нихъ. Японцы толпой собрались вокругъ меня и видимо обсуждали, что я такое и куда меня опредѣлить. Меня спросили, какъ я называюсь.

— Священникъ, миссіонеръ,—отвѣчалъ я, уже ранѣе слыхавъ прилагаемое ко мнѣ имя миссіонера,

Еще что-то посудивъ между собою, наконецъ, и меня они отправили въ сопровожденіи человѣка съ фонаремъ. Мы шли довольно долго по извилистымъ и узкимъ улицамъ, наконецъ, зашли въ какой-то дворъ, а изъ него и въ домъ. Оказалось, что я попалъ въ домъ Томинаги, гдѣ отведена квартира для полковниковъ. Полковники—пять человѣкъ—были уже тамъ и ужинали, уничтожая приготовленную яичницу-глазунью. Я присоединился къ нимъ, предварительно познакомившись съ своею хозяйкою, красивою японкою среднихъ лѣтъ. Квартира намъ была дана прекрасная; хозяева встрѣтили насъ весьма радушно; хозяйка великолѣпно умѣла говорить по-русски.

Поужинавъ, мы разошлись спать по отведеннымъ постелямъ,

Отъ своихъ хозяевъ мы узнали, что находимся въ Инасѣ. отдѣльной слободѣ города Нагасакъ. На утро мы увидали и самыя Нагасаки, красиво расположившіяся на противоположномъ отъ насъ берегу бухты.

Здѣсь мы прожили около 6 дней. Незамѣтно прошло это время для насъ. Мы съ жаднымъ любопытствомъ знакомились съ бытомъ и нравами невѣдомой намъ страны сыновъ Восходящаго Солнца; любовались красотами японской природы, наслаждались теплотою не знающаго нашей зимы климата этой страны...

Все время мы пользовались самымъ любезнымъ вниманіемъ нашихъ побѣдителей. Въ ихъ обхожденіи не было ни капли превозношенія или презрѣнія. Не было и того докучливаго караула, какой мы видѣли до посадки на пароходъ. Здѣсь мы были уже гости, а не плѣнники.

Когда пришелъ въ Нагасаки пароходъ французской компаніи Мессажери-Маритимъ—„Австралія“, мы всѣ были посажены на него и распростились съ любезными и хлѣбосольными побѣдителями.

Когда пароходъ вышелъ изъ порта и оставилъ Японію, мы всѣ вздохнули свободно.

XI.

На морскомъ пароходѣ *).

Мы плыли изъ Шанхая на пароходѣ французскаго общества „Месажери Маритимъ“—„Гималайѣ“. „Гималайя“ — грузовикъ; хода медленнаго, на пристаняхъ всегда стоитъ подолгу; и мы могли всласть любоваться прелестнымъ видомъ моря, совершенно тихаго и спокойнаго, какъ всегда въ это время года (январь—февраль), а равно и изучать прибрежные портовые города съ ихъ разнохарактерными строеніями, разноплеменнымъ населеніемъ и кипучею жизнью. Всему этому мы предавались съ особенною охотою, можно сказать, съ жадностью. И не мудрено. Послѣ ужасовъ восьмимѣсячной осады Портъ-Артура, изъ котораго мы пробирались въ Россію, съ его кровавыми картинами, грохотомъ выстрѣловъ, воемъ снарядовъ и свистомъ пуль, картины тихой жизни природы, мирная жизнь городовъ и ихъ жителей, не напуганныхъ ежеминутными призраками смерти и увѣренно исполняющихъ свои дѣла, спокойно ходящихъ и ѣздящихъ по улицамъ, насъ ужасно привлекали, тянули къ себѣ... Мы ненасытно любовались и тихимъ, яснымъ утромъ на морѣ, гдѣ видны только ясное солнце, голубое небо и бирюзовая вода, и шумною жизнью портовъ. Эти картины успокоивали наши расшатанные нервы и мало-по-малу вытѣсняли изъ души тяжелыя впечатлѣнія артурской осады. Итакъ, мы плыли и блаженствовали. Пароходъ „Гималайя“ былъ весь заполненъ артурцами. Насъ ѣхало въ 1 классѣ 26 человѣкъ, въ томъ числѣ двѣ дамы и барышня, во 2 классѣ человѣкъ 50, въ томъ числѣ двѣ дамы, обѣдавшія въ 1 классѣ; въ 3 классѣ и трюмѣ ѣхали нижніе чины—стрѣлки и матросы, числомъ до 150, и портовые рабочіе около 600 чел. Исключеніе составляли лишь три индуса, сѣвшіе въ Шанхаѣ и отправлявшіеся въ Сингапуръ. Индусы представляли изъ себя рослыхъ статныхъ мужчинъ, съ красивыми смуглыми физіономіями. Одѣтые въ свою живописную, разноцвѣтную одежду, они привлекали къ себѣ наше вниманіе, когда появлялись на палубѣ. Разговаривать мы съ ними не могли, они не понимали по-русски, а мы не говорили по-англійски, и отношенія наши съ туземными пассажирами ограничивались лишь молчаливыми наблюденіями съ той и другой стороны. Но вотъ одинъ изъ индусовъ,

*) Изъ газ. „Уральск. Жизнь“ 1905 г. № 189.

болѣзненный на видъ, вдругъ не сталъ совершенно появляться на палубѣ. Вскорѣ мы узнали, что онъ заболѣлъ и слегъ. Потомъ дня черезъ три слышимъ уже, что онъ умеръ. Причиною смерти была, кажется, скоротечная чахотка. По законамъ морского плаванія умершій на пароходѣ долженъ быть выдержанъ въ теченіе 12 часовъ, а затѣмъ уже можно было похоронить покойника. Умершій индусъ скончался въ 4 часа утра. На день его, завернутаго въ брезентъ, положили въ лодку, прикрѣпленную къ борту парохода. Вся публика, бывшая на пароходѣ, очень заинтересовалась неожиданнымъ событіемъ. Мы, никогда не бывавшіе на морѣ, не знали, что будутъ дѣлать съ умершимъ индусомъ. Дѣлались разныя предположенія насчетъ дальнѣйшей его участи, причемъ мы, какъ дѣти, всему вѣрили и волновались. Повѣрили даже кѣмъ то пущенному слуху, что индуса-покойника съ нами повезутъ до мѣста его назначенія—Сингапура, т. е. еще сутокъ 7 — 10 подъ тропиками. Всѣ, особенно дамы, взволновались, возмутились. Послышались заявленія со стороны дамъ, что теперь они „ни за что, ни за что“ не будутъ гулять по фордеку, близъ покойника, а нѣкоторые нервные мужчины увѣряли, что имъ теперь не провесть ночь на фордекѣ въ такой близости съ умершимъ. Пошли даже заявлять начальству парохода протестъ противъ дальнѣйшаго пребыванія мертвеца въ обществѣ живыхъ на пароходѣ. Но въ 6 час. вечера судьба индуса выяснилась. Появились матросы, командиръ судна и подошли къ лодкѣ, гдѣ пребывалъ покойникъ. Тѣло его было вынуто изъ лодки, положено на приготовленный холстъ: къ ногамъ умершаго было положено два весьма основательныхъ обломка желѣза. Затѣмъ матросы зашили тѣло въ холстъ; положили на длинную доску и повернули доску такъ, чтобы ноги покойника были къ морю, причемъ доска была выдвинута на аршинъ за бортъ. Къ этому времени собралась уже значительная толпа пассажировъ, съ интересомъ наблюдавшая за дѣйствіями команды. Командиръ судна далъ знакъ и обнажилъ голову. Раздался вахтенный звонокъ; всѣ пассажиры и команда сняли шапки и всякъ по своему, какъ хотѣлъ и умѣлъ, помолились за покойника. Чрезъ моментъ матросы, по знаку командира, высоко подняли конецъ доски съ покойникомъ, лежавшій внутри парохода, и тѣло его, быстро скатившись съ доски, бултыхнуло въ море. Черезъ 2 — 3 секунды и на морѣ исчезли всякіе слѣды бывшаго человѣка.

Такъ совершилось на нашемъ пароходѣ погребеніе умершаго въ морѣ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого печальнаго событія, на нашемъ пароходѣ совершилось событіе радостное — рожденіе ребенка. И въ этомъ событіи, какъ и прежде разсказанномъ, принимала живѣйшее участіе вся пароходная публика. Особенное же, такъ сказать, ближайшее участіе въ немъ, по волѣ судьбы, выпало мнѣ. Дѣло было такъ.

На „Гималайѣ“ среди пассажировъ интеллигентнаго класса

было всего 4 дамы и барышня, дочь священника. Двѣ ѣхали въ каютахъ съ бывшими при нихъ мужьями, при остальныхъ двухъ, тоже замужнихъ, мужей на пароходѣ не было: у одной мужъ офицеръ безслѣдно исчезъ во время боя на Высокой горѣ 22 ноября, а у другой—тоже офицеръ, ушелъ въ плѣнъ къ японцамъ, отправивъ жену къ родителямъ ея въ Москву. Эта дама М. М. А. и выступила въ качествѣ дѣйствующаго лица въ описываемомъ событіи. Она сѣла на пароходъ въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности. Нужно сказать, что она была и самая юная изъ дамъ, лѣтъ около 19—20, всего второй годъ состоявшая замужемъ. Дамъ, лишенныхъ покровительства мужей, по волѣ ли русскаго консула или по волѣ своей пароходное начальство помѣстило не въ 1 классѣ, а во 2, причемъ имъ обѣимъ была дана каюта самая убогая, какую только можно себѣ представить. Это было помѣщеніе около 2 аршинъ шириною, причемъ половину его занимала длинная стойка въ родѣ этажерки съ 3-мя полочками предназначенными для постели. Разстояніе между полочками, было менѣе аршина. Можно себѣ представить удобство, съ какимъ приходилось буквально влѣзать въ щель, именуемой койкой, и вылѣзать изъ нея. Удобно было спать только на верхней полочкѣ, но подниматься на нее приходилось и мужчинѣ съ постояннымъ рискомъ сломать себѣ шею, а какъ должна была взбираться туда женщина, да еще беременная—уму непостижимо. Полъ внутрь каюты на сажень былъ ровный, а далѣе начинался бортъ парохода. Къ стѣнѣ, противоположной койкамъ, былъ приставленъ умывальный столикъ. Между нимъ и койкою оставался проходъ въ четверть аршина. Естественную тѣсноту каюты увеличивалъ багажъ, непремѣнный спутникъ дальняго путешествія. Благодаря всему этому каюта оказывалась тѣсна и неудобна до самой крайней степени. Двоимъ одновременно находиться въ каютѣ было совершенно немыслимо, и дамы, волею рока заключенныя въ эту щель, принуждены были по очереди совершать въ каютѣ все имъ нужное. Такъ, когда одна утромъ начинала вставать и совершать свой туалетъ, то другая оставалась въ постели, пока первая не уходила изъ каюты. Равно, если днемъ одна изъ нихъ доставала что либо изъ чемодана, или корзинки, то другая должна была выходить изъ каюты. Ко всему этому прибавлялось еще то обстоятельство, что 2 классъ былъ на кормѣ, подъ самымъ винтомъ и рулемъ. Отъ этого въ классѣ былъ постоянно слышенъ какой то болѣзненный и громкій скрипъ вращавшагося винта и почти постоянно—грохотъ рулевыхъ цѣпей; при всемъ томъ, вѣчно пахло какими то минеральными маслами. Во время волненія качка парохода на кормѣ чувствовалась втрое сильнѣе, чѣмъ въ срединѣ его, гдѣ были расположены каюты 1-го класса.

Естественно, что дамы, заключенныя въ такую каюту-щель, оказались недовольны. Но всѣ ихъ протесты не привели ни къ чему. Никакихъ свободныхъ мѣстъ, ни лучшихъ, ни худшихъ,

на пароходѣ не оказывалось. Никто изъ мужчинъ-пассажировъ 1 класса, помѣщавшихся въ каютахъ тоже по двое, не согласились уступить дамамъ своей каюты и перейти во 2 классъ. Дама постарше (хотя тоже молодая), О. А. А., примирилась со своей участью и съ ловкостью, завидной для военныхъ, взбиралась на самую верхнюю полочку этажерки, гдѣ и устроила себѣ постель. Но М. М. А. не могла привыкнуть къ условіямъ жизни въ каютѣ-щели, особенно тяжелымъ въ ея положеніи и перебралась на фордекъ, гдѣ и проводила дни и ночи, спускаясь въ каюту только въ случаяхъ крайней необходимости. На длинномъ плетеномъ креслѣ (chaize longue) она устроила себѣ постель, гдѣ и спала. Погода и тепло, усиливавшееся по мѣрѣ приближенія къ экватору, благопріятствовали ей. Обѣдать и завтракать обѣ дамы ходили въ 1-й классъ.

Такъ прошло недѣли двѣ. Пароходъ нашъ, не особенно спѣша и съ длинными остановками на пристаняхъ, везъ насъ пока еще все къ югу. Пассажиры всѣ перезнакомились между собой, образовались кружки, карточная игра, нашлись компаніи любителей шахматъ, шашекъ. Наши дамы быстро организовали возлѣ себя „штабы“ изъ молодыхъ людей, при чемъ появились и начальники штаба, старшіе, младшіе адъютанты, ординарцы. Какъ и полагается въ штабахъ, фортуна однимъ благоволила, другихъ обманывала. Нерѣдко младшій адъютантъ облекался особымъ довѣріемъ „начальства“, т. е. дамы, ему поручались особенно важные... предметы—ридикюль, вѣеръ, книга, а начальникъ штаба лишался довѣрія и увольнялся въ „чистую“. Случались и передвиженія изъ одного штаба въ другой, по несходству симпатій или инымъ уважительнымъ причинамъ...

Я за столомъ случайно оказался визави съ М. М. и мало-помалу заинтересовался судьбой молодой женщины. Она бодро переносила тяготу своего положенія, но по всему замѣтно было, что она еще неопытна, молода и одинока. Видя это, я началъ мало-по-малу оказывать ей разныя услуги, тѣмъ болѣе, что около нея и не видѣлось частенько никого. Какъ человѣкъ семейный, я имѣлъ нѣкоторый опытъ, такъ что могъ быть полезенъ молодой женщинѣ, а какъ человѣка пожилого, меня трудно было заподозрить въ чемъ либо предосудительномъ. Поэтому я спокойно принялъ ее подъ свое покровительство, иначе, по пароходному, записался въ ея штабъ, гдѣ и несъ одинъ всѣ должности.

8-го февраля около 5 часовъ вечера мы отправлялись изъ Сингапура. Въ это время былъ обѣдъ. Мы беззаботно разговаривали, поздравляли себя съ тѣмъ, что теперь уже прямо будемъ приближаться къ родинѣ, повернемъ на западъ, тогда какъ до сей поры мы плыли все къ югу, удаляясь отъ Европы. Вдругъ съ половины обѣда я сталъ замѣчать, что моя визави перестала ѣсть и сидѣла, закрывъ лицо руками. Затѣмъ она ушла изъ-за стола, не докончивъ обѣда. Наскоро закончивъ свой обѣдъ, я отправился разыскивать М. М. и нашелъ ее наверху на ея лонгъ-

шезѣ. Съ ней дѣйствительно начиналось характерное недомоганіе. Являлась нужда и въ докторѣ и въ помѣщеніи. Докторъ на пароходѣ былъ, но, въ 1-хъ, старикъ, не имѣвшій акушерской практики: онъ даже испугался случая съ М. М., когда его о немъ предупредили; во 2-хъ онъ былъ французъ, не изъяснявшійся по-русски, а М. М. не знала никакого языка, кромѣ русскаго. Это было не малое затрудненіе, могшее окончиться весьма плохо. Но, на счастіе М. М., одна изъ офицерскихъ супругъ имѣла спеціальную акушерскую подготовку, о чемъ я узналъ. Въ наступившій критическій моментъ, я обратился къ ея содѣйствію и вызвалъ ее изъ салона, гдѣ она сидѣла въ кружкѣ своихъ „штабныхъ" поклонниковъ. А. А., такъ звали эту даму, весьма охотно согласилась приложить свои знанія къ дѣлу, подошла къ М. М., провела ее въ ея каюту и затѣмъ сообщила мнѣ, что дѣйствительно наступило время позаботиться о помѣщеніи для М. М., такъ какъ въ ея каютѣ расположиться совершенно невозможно. Я и самъ сознавалъ послѣднее и уже заранѣе обдумалъ свой образъ дѣйствій. Правда, былъ на пароходѣ лазаретъ, но помѣстить туда „больную" докторъ прямо отказался. Оставалась одна мѣра, къ которой я и прибѣгъ. Въ каютѣ со мной помѣщался очень добрый и хорошій человѣкъ, полковой батюшка. Въ это время (а было уже около 10 час. вечера) онъ расположился было на покой. Но я неожиданно прервалъ его сонъ, явившись къ нему, изложилъ дѣло съ М. М. и попросилъ его освободить на-время нашу каюту для больной. Онъ охотно согласился и ушелъ спать наверхъ, на лонгъ-шезъ. Я самъ уже давно спалъ тамъ же, не вынося духоты и жары въ каютѣ. Каюта была нами освобождена и предоставлена въ распоряженіе А. А. и ея больной. А. А. немедленно воспользовалась ею, приспособила все, что слѣдуетъ, и черезъ часъ больная была водворена въ удобное помѣщеніе. Пассажиры 1 и 2 классовъ, отъ которыхъ нельзя было скрыть положенія М. М., понявъ, въ чемъ дѣло, всѣ какъ то присмирѣли и напряженно ожидали исхода. Всѣ жалѣли ее, какъ совершенно одинокую, безпомощную женщину, такъ сильно страдавшую.

9 февраля въ 10 часовъ ночи Богъ далъ намъ на пароходъ новаго пассажира, тоже артурца... Мы въ это время были въ салонѣ. Узнавъ о радостномъ событіи, немедленно потребовали шампанскаго и выпили по бокалу за здоровье матери и новорожденнаго.

Рожденіе, благодаря внимательному и опытному уходу А. А-ны, обошлось вполнѣ благополучно.

На другой день утромъ батюшка, бывшій на пароходѣ, прочиталъ молитву родильницѣ и нарекъ имя новорожденному. Онъ, по желанію матери, былъ названъ Владиміромъ. Затѣмъ къ счастливой матери явились въ каюту командиръ парохода и его помощники, поздравили ее съ сыномъ и составили актъ о его рожденіи, какъ то требуется по законамъ ихъ страны. Въ актѣ значилось, что у такой то, жены такого то, родился 22 февраля (н.

с.) въ 10 часовъ вечера, подъ 4 градусами 10 мин. сѣверной широты и 96 град. 58 мин. восточной долготы, сынъ Владиміръ. Далѣе слѣдовали подписи свидѣтелей въ количествѣ 12 человѣкъ.

Такимъ образомъ, Великій океанъ взялъ пассажира, а Индійскій далъ намъ новаго.

Въ Коломбо новый пассажиръ обзавелся нужнымъ ему багажомъ, — ему была куплена ванночка, градусникъ и т. п. вещи. Бѣлье разнаго рода оказалось уже заранѣе заготовленнымъ у заботливой матери.

Дней черезъ 8 новый путешественникъ, морякъ по рожденію, вмѣстѣ съ мамашей появился среди пассажировъ, и оба были встрѣчены всеобщимъ ликованіемъ.

Здоровье его и матери оказалось въ наилучшемъ состояніи. Теплый южный климатъ весьма благопріятенъ былъ ему и далѣе. Чрезъ мѣсяцъ новорожденный съ мамашей благополучно прибылъ въ Одессу, гдѣ мы съ нимъ и разстались, разсѣявшись по родной странѣ, радушно насъ встрѣтившей, кто куда.

СОДЕРЖАНІЕ.

Цѣна 35 коп.

